

Введение

На рубеже XVII–XVIII вв. в России строительство флота, активное развитие промышленности и торговли требовали доселе небывалого количества ресурсов, в частности, резко возросло потребление древесины. Жизненно важными для государства оказались проблемы ограниченности качественных лесоматериалов там, где их удобно заготавливать, их дороговизны, сложности доставки. С момента закладки первых кораблей регулярного флота и до сегодняшнего дня сохраняется стремление рационализировать использование природных ресурсов.

Изменение отношения к природным ресурсам логично соответствовало новому комплексу идей, развитие которых привело к формированию системы культурных ценностей, которая сохраняется в Европе до сих пор¹. Эти трансформации происходили в тесной связи с общими процессами модернизации, становления абсолютной монархии, распространения идей меркантилизма, социально-экономического развития. В России последнее определялось в первую очередь распространением и усилением крепостного права. Соответственно, для последующего изложения и понимания механизмов становления лесного хозяйства и формирования экологического мышления важно сказать несколько слов об общих процессах.

Модернизация

В 1770 г. французский философ М.-Ж.-А.-Н. де Кондорсе впервые употребил понятие «модернизация» как стремление к прогрессу. С его точки зрения, современные люди способны изменять мир с помощью науки. Идея сформулирована в 1770 г., но считается, что модернизация началась существенно раньше, и к моменту появления трудов М.-Ж.-А.-Н. де Кондорсе был накоплен определенный опыт, требовавший осмысления. В основу мо-

¹ Каменский А. Б. Архивное дело в России XVIII века: историко-культурный аспект (постановка проблемы, историография, источники). М., 1991. С. 12.

дернистского мироощущения лег постулат рационализма: если человек сумел проникнуть в законы мироздания, то значит, его предназначение — управлять этим миром, исправлять его недостатки и совершенствовать Божий замысел². Такие ценностные установки превращали науку в способ преобразования мира с благой целью и ставили знак равенства между моральной ценностью знания и его практической значимостью³.

Становление лесного хозяйства являлось важной частью процесса модернизации. Поскольку дискуссии о модернизации выходят далеко за рамки исторических исследований, здесь не ставится задача судить, какая из них является наиболее обоснованной и почему, за основу принят инструментально-технологический подход. Одно из наиболее удачных определений принадлежит Р. Уорду: «...модернизация <...> опирается на “систематическое”, непрерывное и целевое применение человеческой энергии для “рационального” контроля над природным и социальным окружением человека»⁴. Уорд и другие сторонники инструментально-технологического подхода понимают модернизацию как объективную тенденцию общественного развития; комплексное явление изменения инструментов и способов контроля над окружающей средой, технологический прогресс. Будучи явлением революционным по своей сути, оно растянуто во времени. Его смысл заключается в переходе от традиционного общества к современному. Попутно происходит усложнение общества, дифференциация по функциональным линиям. Таким образом возникают и развиваются подсистемы (экономика, политика, наука, семья и т. д.), каждая из которых действует на основе собственного опосредующего элемента (деньги, власть, истина, любовь) и придерживается своих ценностей и норм. Логика модернизации запускает процесс рационализации и заставляет человека перестраивать свою деятельность в соответствии с понятием эффективности. Целостная система ценностей, регулирующая в традиционном обществе все сферы жизни, распадается на множество систем, в результате появляется критическое мышление⁵.

² Кондорсе М.-Ж.-А.-Н., *де*. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. СПб., 1909.

³ Косарева Л. М. О ценностных основаниях идеалов достоверности в естествознании // Косарева Л. М. Рождение науки Нового времени из духа культуры. М., 1997. С. 146–147.

⁴ Уорд Р. Современные политические системы. М., 2006. С. 46.

⁵ Алексеев В. В., Побережников И. В. Модернизационная перспектива: проблемы и подходы // Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века. М., 2000. С. 3–29; Джерелиевская И. К. Государственная культурная политика в условиях российской модернизации // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 3. С. 100.

Для последующего изложения определяющее значение имеют также формулировки М. Вебера, выделившего в качестве характерных черт традиционного общества:

- обусловленность социальной организации и жизни религиозными и мифологическими представлениями, что связано с ориентацией не на научные, а на метафизические знания;
- цикличность развития и представлений о времени;
- коллективистский характер общества и отсутствие значимости отдельно взятой личности.

Современное общество характеризуют:

- приоритет рационалистического начала в сферах экономики, государственного управления, социальных отношений, организации пространства и времени, отношения к природным ресурсам;
- ориентация на научные знания и представления о линейном развитии времени;
- индивидуализация;
- автоматизация труда;
- наличие частной собственности.

Модернизация связана с ментальными трансформациями. Осознание изменений на уровне технологий влияло на сознание людей и их отношение к природным богатствам. На смену интеграционной модели экологии, предполагающей гармоничное существование человека и окружающей среды, приходит трансформационная модель, идеи о необходимости преобразующей, упорядочивающей, рационализирующей деятельности человека. Здесь возможны споры по поводу того, что является первичным — технологические или ментальные трансформации. Для западноевропейской культуры они были бы уместны, и вариант «сознание определяет бытие» мог бы оказаться обоснованным. При изучении процесса русской модернизации XVIII в. достаточно очевидно, что сначала общество принимало новые технологии, переносило болезненную ломку привычек и стереотипов, и только затем следовали изменения менталитета. В конце XVII в. русское общество не было готово к быстрой и всеобъемлющей модернизации, поэтому царь и его сподвижники должны были взять инициативу в свои руки. Неотъемлемой частью модернизационного процесса была бюрократизация, становление бюрократической структуры для управления страной на основе принципов рационализма, эффективности, специализации и обезличенности.

На определенном этапе потребовалась мобилизация ресурсов и связанная с ней монополизация. Казалось, что только государство может рационально использовать человеческие и природные ресур-

сы. В этом тезисе заключалась одна из особенностей российской модернизации в отличие от западноевропейской, зависевшей не столько от политической воли, сколько от социальных процессов, технологий, производства, рынка⁶.

Становление управления лесным хозяйством является показательным примером для изучения процесса модернизации; можно рассматривать различные аспекты: политический, технологический, экономический и культурный. Государственные чиновники устанавливали различные правила, ограничения и запреты, назначали ответственных лиц, проводили детальные описания. Для внедрения рационального использования лесов требовалось изучение ресурса, а значит, нужны были специалисты, научные знания, налаженный механизм передачи этих знаний и получения новых. Освоение новых земель приносило новую информацию, стимулировало дальнейшее изучение территорий страны. Расширение горизонтов, в свою очередь, становилось стимулом изменить сложившуюся практику природопользования⁷. Этот комплекс был частью модернизационного процесса, неразрывно связанного с эксплуатацией ресурса, который прежде не подлежал особому контролю. Таким образом, изучение лесного хозяйства позволяет выявить новые особенности и детали глобальных процессов российской истории.

Хотя применительно к XVIII в. говорить о существовании собственно экологической мысли рано, это был период, когда впервые высказывались те идеи, которые сегодня считаются важными для проблемы отношения человека и природы, в частности об отношении к природным ресурсам.

Абсолютная монархия и меркантилизм

Модернизационный процесс в России XVIII в. неразрывно связан с укреплением абсолютной монархии и ее идеологией. Государственная власть набирала мощь внутри страны и завоевывала прочные позиции на международной арене, это подталкивало общество к ускоренному усвоению новых технологий, культурных установок и взаимоотношений.

Реформы органов государственного управления стали одним из ключевых событий в истории страны. Они были направлены на существенное расширение сферы государственного контроля и власти

⁶ Кортунюв С. В. Предисловие редактора // Модернизация России и Европа: Сб. матер.: В 3 т. Ростов-на-Дону, 2005. Т. 1. С. 13.

⁷ Рахилин В. К. Формирование системы охраны природы. Исторический аспект: Дис. в форме научного доклада... д-ра геогр. наук. М., 1993. С. 14.

царя. Термины «абсолютизм» и «меркантилизм» являются более узкими и конкретными по сравнению с процессом модернизации, поэтому позволяют лучше понять специфику процессов в изучаемый период и являются необходимым историческим фоном для дальнейшего раскрытия темы. В последние годы понятие «абсолютная монархия» вышло из употребления⁸ у историков по сравнению с XX в., когда оно использовалось широко и чрезвычайно разнообразно. Критики понятия говорят о том, что абсолютизм является поздним идеальным конструктом, и предлагают отказаться от него. Вместо него историки оперируют понятиями «самодержавие», «деспотия», «автократия» или «государства Нового времени», «модерные государства»⁹. Тем не менее вместо понятия «абсолютная монархия» до сих пор не предложено более удачного и точного определения системы государственного устройства России имперского периода¹⁰. Если не преувеличивать технические возможности

⁸ Некоторые специалисты по-прежнему предпочитают оперировать им. См., например: *Каррер д'Анкос Э.* Екатерина II. Золотой век в истории России. М., 2006; *Бугров К. Д.* Монархия и реформы. Политические взгляды Н. И. Панина. Екатеринбург, 2015.

⁹ Например: *Павлова-Сильванская М. П.* К вопросу об особенностях абсолютизма в России // История СССР. 1968. № 4. С. 83; *Kossman E. N.* The Singularity of Absolutism // Louis XIV and Absolutism. London, 1976. P. 13; *Brennan J. F.* Enlightened Despotism in Russia. The Reign of Elisabeth, 1741–1762. New York, 1987; *Сюч Е.* Три исторических региона Европы // Центральная Европа как исторический регион. М., 1996; *Хэншелл Н.* Миф абсолютизма: перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. СПб., 2003; *Проскурякова Н. А.* Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 153–165; *Андерсон П.* Родословная абсолютистского государства. М., 2010; *Кром М. М.* Государство раннего Нового времени: общеевропейская модель и региональные различия // Новая и новейшая история. 2016. № 4. С. 3–15; *Sashalmi E.* The Role of Law and the Rule of Law: a Comparison of Swedish Absolutism and Russian Autocracy from the 1680-s to 1730 (the Importance of Political Ideas and Political Structures) // Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории. Вып. II. Ставрополь, 2016. С. 44–50.

¹⁰ *Захаров В. Ю.* Конституционализм как вариант модернизации российского абсолютизма в конце XVIII — первой четверти XIX в. // Российская история. 2011. № 6. С. 32–35. В этом отношении характерно замечание М. М. Крома, который предпочитает термин «государства Нового времени (модерные государства)». Заявляя, что «понятие “абсолютизм” не может служить концептуальной рамкой общеевропейской модели государства раннего Нового времени», он одновременно признает размытость предпочитаемого им термина: «...на данный момент мы не располагаем обобщающей моделью европейского государства раннего Нового времени». См.: *Кром М. М.* Государство раннего Нового времени. С. 6, 10. Правда, в статье идет речь о более раннем времени, чем период абсолютной монархии в России. По сути, «государство Нового времени» — это указание на хронологический отрезок, а «абсолютная монархия» — характеристика государственного устройства.

контроля XVII–XVIII вв., не связывать понятие с генезисом буржуазных отношений, а употреблять его только в юридическом смысле, то оно представляется вполне корректным и перспективным для дальнейшего использования в качестве одного из базовых, а период абсолютной монархии — неотъемлемой частью процесса модернизации, специфичным по сравнению с более общими понятиями самодержавия, собственно модернизации и существенно отличающимся от восточной деспотии¹¹.

Понятие «абсолютная монархия» является более емким и точным по сравнению с терминами «государство Нового времени» и «модерное государство». В отличие от первого, оно характеризует более специфическое в юридическом, хронологическом и географи-

¹¹ В современной историографии для характеристики государственного устройства России XVII в. порой употребляется понятие «восточная деспотия». Иногда наблюдается даже смешение терминов «восточная деспотия» и «абсолютная монархия» (например: *Андерсон П.* Родословная абсолютистского государства. С. 47). Использование выражения «восточная деспотия» по отношению к России XVIII в. представляется скорее конъюнктурным, нежели удачным. «Восточная деспотия» является продуктом европоцентризма и очень размытым широким понятием. Рисовое земледелие принято считать основой азиатского способа производства, определявшего социальные отношения и структуру государственной власти («восточную деспотию»). Оно принципиально отличалось от русского пашенного земледелия, в свою очередь также определявшего взаимоотношения в обществе и политический дискурс. Совершенно особую (и принципиально отличавшуюся от российской) ситуацию создавала географическая изоляция ряда стран Востока, определявшая также экономическую, политическую и культурную ситуацию (островное положение Японии; Гималаи, отделяющие Индию от остального мира; Сирийская пустыня и Большой Нефуд, в некоторой мере выполнявшие ту же роль для формировавшегося Саудовского государства, и т. д.). Для русской культуры исконной является тяга к поддержанию различных контактов с другими странами. Отношение к императору и чиновничеству в конфуцианской культуре имеет ряд черт, объединяющих ее с концепцией «общего блага»; одновременно мировоззренческие установки учения настолько специфичны, что едва ли можно найти основания для корректных сопоставлений. В Японии власть императора была ограничена сегунатом. Кастовая организация индийского общества создавала совершенно особые взаимоотношения, трудно сопоставимые с другими. Иран и Османская империя двигались по пути модернизации, перенимали черты западноевропейской культуры. Следовательно, объединение их как «стран восточной деспотии» является очень спорным теоретическим построением, а включение России в ряд «Китай, Корея, Япония, Индия, Иран, Турция» — еще более сомнительным. См.: *Ерасов Б. С.* Феномен «восточного деспотизма» как явление «нового мышления». М., 1988; *Феномен восточного деспотизма.* Структура управления и власти / отв. ред. Н. А. Иванов. М., 1993; *Медушевский А. Н.* Утверждение абсолютизма... С. 24; *Шубина М. М.* Анализ концепции «восточного деспотизма» в западноевропейской философской мысли Нового времени // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 3(9). Ч. 3. С. 208–210.

ческом отношении явление. Что касается второго, то вообще странно характеризовать как современные исключительно европейские государства XVI–XVIII вв. По сравнению со Средними веками они, конечно, были современные. В XIX в. стали еще более современные. С начала XX в. до сих пор степень модернизма повышается, причем с нарастающей скоростью. Схожие процессы наблюдаются по всему миру. Модернизация является глобальным процессом. Обращаясь к накопленному опыту его изучения, можно описывать многочисленные и разнообразные явления в истории человечества. Каждое из них будет по-своему современным: Рим периода античной империи — современным по отношению к республиканскому Риму, а тот, в свою очередь, по отношению ко времени царей; неолитические орудия труда можно характеризовать как современные по сравнению с палеолитическими, а верхнепалеолитические — как современные по сравнению с нижнепалеолитическими. Понятия «модернизация» и «modernное государство» являются широкими, а «период абсолютной монархии» — узким, определяющим специфику определенного этапа развития. Представляется, что замена понятия «период абсолютной монархии» для России XVIII–XIX вв. предлагаемыми альтернативными вариантами является не более чем данью моде.

Абсолютная монархия представляет собой особую форму организации государственной власти, принятия и реализации политических решений на основе определенного комплекса правовых норм¹². Типологическими признаками абсолютной монархии являются:

- принадлежность монарху всей полноты законодательной, исполнительной и судебной власти;
- полная власть монарха над всей территорией страны, жизнью и собственностью всех его подданных;
- контроль над духовной властью и религиозной жизнью;
- стремление постоянно укреплять, расширять власть и демонстрировать ее в действии;
- отсутствие представительских учреждений, независимой от монарха аристократии и других сил, ограничивающих верховную власть;
- особая идеология и развитая законодательная база, которую монарх использует как обоснование рациональности своих действий.

¹² Градовский А. Д. Начала русского государственного права // Собрание сочинений: В 9 т. СПб., 1907. Т. 7. С. 127–137; Коркунов Н. М. Русское государственное право: В 2 т. СПб., 1893. Т. 1. С. 131–148; Чичерин Б. Н. Курс государственной науки: В 3 т. М., 1896. Т. 1. С. 122–131; Вернадский Г. В. Очерк истории права русского государства XVIII–XIX вв. (период империи). Прага, 1924. С. 11–25.

Вторичными признаками абсолютистского режима являются централизация, унификация, бюрократизация и специализация органов государственного управления, милитаризация, усиление социальной стратификации и иерархии, колонизация, более высокий по сравнению со Средневековьем уровень развития техники, научного знания и распространения образования. Последние три для России связаны с абсолютной монархией, постольку развивались во многом по воле монарха. В иных обстоятельствах они не обязательно связаны с государственным устройством.

Становление абсолютизма и его идеологии в России относится к правлению Петра I, когда на уровне государства вместо феодальных отношений постепенно формировались отношения государственного подданства, официально введена служебно-иерархическая лестница. Существенно увеличилась роль армии, полиции и бюрократии как трех главных опорных институтов царской власти¹³. Верховная власть стала безоговорочно отождествляться с монархом, власть которого была неограниченной. Неоспоримость этого посыла была предпосылкой и идеологической основой для активного регулирования экономики на государственном уровне и установления различных монополий¹⁴.

Введение монополии на леса в связи с активным строительством флотов было общеевропейским явлением, равно как и процесс закрепощения природного ресурса. Могущество государства, его положение на международной арене напрямую зависели от состояния ресурсов, завершенности внутреннего хозяйственного цикла и динамики внутренних накоплений, а также от способности государства рационально управлять имеющимся потенциалом¹⁵. Вместе с тем следует иметь в виду растянутость процесса во времени. Невозможно провести четкую грань между установлением государственной монополии в современном понимании и древней политической традицией восприятия территории страны как вотчины, собственности московского князя (позже — царя). Как показывает А. Б. Каменский, представления Петра I были своеобразным сочетанием традиционных культурных установок с западноевропейскими идеями¹⁶. Поэтому и усиление

¹³ Шапиро А. Л. Об абсолютизме в России // История СССР. 1968. № 5. С. 70.

¹⁴ Федосов И. А. Социальная сущность и эволюция российского абсолютизма (XVIII — первая половина XIX в.) // Вопросы истории. 1971. № 7. С. 55–57.

¹⁵ Gille P. Land and Water Transportation // A History of Technology and Invention. Progress Through the Ages. Vol. II. The First Stages of Mechanization. New York, 1969. P. 399; Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М., 1994. С. 51–52; Алексеев В. В., Побежников И. В. Модернизационная перспектива. С. 34.

¹⁶ Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., 2001. С. 146.

контроля, и введение монополий, и процесс всеобщего закрепощения можно трактовать и как трансфер, и как стремление усилить традиционные начала самодержавия. Такая двойственность сохранялась на протяжении всего столетия. Но постепенно усиливалось модернизационное начало посредством накопления составляющих его протоэлементов. Самодержавная власть XVI–XVII вв. трансформировалась в абсолютную монархию, а представление о землях страны как о государственной вотчине — в монополию на земли.

В XVII–XVIII вв. основой государственной доктрины ряда стран стали идеи меркантилизма и камерализма. Уже в середине XVII в. камерализм определял европейскую политику в трех основных областях: организации государственных финансов, системах хозяйствования и упорядочения общества. Камерализм не следует понимать в узком смысле, как специализацию и регламентацию коллегиальных государственных учреждений¹⁷. Такая трактовка представляется слишком узкой и не совсем верной. Основной ценностью было население страны. Многочисленные ученые трактаты распространяли представление о том, что монарх должен стремиться к достижению общественного блага всех подданных, для этого просвещенные служащие, заседающие в советах или коллегиях, должны рационально работать в интересах народа. Чем больше людей, чем выше их благосостояние, тем сильнее и богаче страна. Согласно взглядам камералистов, преобразуемое и совершенствуемое государство играло ведущую роль в человеческом обществе. Залогом достижения общего блага объявлялись «разумные законы», реализующиеся с помощью четкой, правильно организованной административно-управленческой машины. Дальнейшее развитие мысли в этом направлении привело к появлению доктрины меркантилизма и теории административного устройства «gute Polizei» — упорядоченного и правильно управляемого государства¹⁸.

Меркантилизм обосновывал необходимость активного вмешательства государства в экономику, интенсивной международной торговли с положительным балансом импорта и экспорта¹⁹. В литературе распространено мнение о том, что и в России экономическая политика XVII — первой половины XVIII в. проводилась по тем же

¹⁷ Например: *Анисимов Е. В.* «Шведская модель» с русской «особостью» // Звезда. 1995. № 1. С. 128, 134; *Каменский А. Б.* От Петра I до Павла I. С. 128.

¹⁸ *Раев М.* Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме // *Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология.* Самара, 2000. С. 48–79.

¹⁹ *Долгий XVIII век и становление модернизационной империи* // *Ab Imperio.* 2015. № 1. С. 328.

принципам²⁰. Однако это не совсем так. Важнейшей идеей меркантилизма является утверждение, что золото и серебро (деньги) — единственное богатство. Главной задачей экономической политики государства признается обеспечение денежного притока за счет внешней торговли.

Хотя в экономической политике Петра I есть много общего с европейским меркантилизмом, с большой долей условности ее можно назвать подражанием, импортом идей или собственно меркантилистской политикой. Не существовало ключевых составляющих основы меркантилизма — в достаточной мере развитого производства и торгового флота²¹. Забота о притоке денег в страну, о развитии торговли и промышленности была вызвана жизненными потребностями страны в непростое военное время. Денежный приток был не самоцелью, а средством реализации военных замыслов и завоевания международного престижа²².

Большинство деклараций и рекомендаций камералистов были совершенно фантастическими, но постепенное распространение камералистских взглядов в обществе, которое, в соответствии с доктриной, становилось все более грамотным и рациональным, имело практические последствия для модернизационного процесса. Те страны, которые восприняли камерализм лишь частично (как экономическое учение или рекомендацию административной структуры), а не как мировоззрение, оказались среди отсталых в исторической перспективе²³.

²⁰ Например: *Кулишер И.* Крупная промышленность в XVII и XVIII веках: Франция, Германия, Россия // *Анналы экономической и социальной истории*. Избранное. М., 2007. С. 60–96; *Бабурин Д. С.* Очерки по истории Мануфактур-коллегии. М., 1939. С. 31–73; *Кафенгауз Б. Б. И.* Посошков о крестьянском вопросе (из истории меркантилизма в России) // *Проблемы экономики*. 1936. № 2. С. 141–155; *Он же.* Очерки историографии эпохи Петра Великого // *Исторический журнал*. 1944. № 9 (133). С. 24–42; *Чебаевский Ф. В.* Укрепление и развитие государства при Петре I // *Преподавание истории в школе*. 1946. № 5. С. 32–39; *История экономической мысли*. Курс лекций / ред. И. Д. Удальцов, Ф. Я. Полянский. Ч. 1. М., 1961. С. 157–271; *Дружинин Н. М.* Просвещенный абсолютизм в России // *Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.)*. М., 1964. С. 432; *Kotilaine J. T.* Mercantilism in Pre-Petrine Russia // *Modernizing Muscovy: Reform and Social Change in Seventeenth-century Russia*. London; New York, 2004. P. 143–147; *Ghoncheh T.* *International Library*. P. 40–41.

²¹ *Kahan A.* *The Plow, the Hammer, and the Knout: an Economic History of Eighteenth-Century Russia*. Chicago, 1985.

²² *Спиридонова Е. В.* Экономическая политика и экономические взгляды Петра I. М., 1952. С. 177–179; *Пашков А. И., Бак И. С., Приказчикова Е. В. и др.* История русской экономической мысли: В 3 т. Т. I: Эпоха феодализма: В 2 ч. М., 1955. Ч. 1: IX–XVIII вв. С. 305–317.

²³ *Долгий XVIII век*. С. 329–330.

Меркантилизм тесно связан с развитием знаний о мире. Географические и научные открытия, распространение просвещения способствовали возникновению представлений о том, что созданный Богом мир несовершенен и возможности не безграничны. Человек сформулировал законы, по которым живет природа, а значит, теперь на основе знаний он может использовать свои силы для максимальной увеличения ресурсов. Рост возможностей должен был принести пользу государствам и обеспечить процветание каждого члена общества. Считалось возможным прийти к этому под руководством монарха и при помощи образованной элиты, при условии четкой налаженной работы государственных учреждений. Новая политическая культура стала идеологической основой для полицейского государства²⁴:

Человечеству казалось, что наконец найден ключ к счастью — стоит правильно сформулировать законы, усовершенствовать организацию, добиться беспрекословного, всеобщего и точного исполнения начинаний государства. Отсюда <...> оптимистическая наивная вера людей XVII–XVIII веков в неограниченные силы разумного человека, возводящего по чертежам, на началах опытного знания свой дом, корабль, город, государства²⁵.

Многие законы Петра I сопровождались пространными предисловиями и комментариями, порой разрастающимися до размеров политических трактатов и способствовавшими развитию удивительной еще в XVI–XVII вв. идеи о том, что основой деятельности правительства является общее (всенародное) благо, отождествлявшееся также с понятиями «дело государево», «государственная польза» и «польза отечества»²⁶. Концепция общего блага и всенародной пользы получила также детальную разработку в трудах Ф. Прокоповича. По его мысли, источниками власти государя были воля Божья и воля народная. Народ, отдав всю власть монарху, уже не мог что-либо менять и был обязан беспрекословно повиноваться. Основой общего блага должен быть «добрый порядок», т. е. соблюдение законов. На втором по значимости месте стоит обеспечение безопасности, на третьем — развитие торговли, производства и культуры²⁷. Таким образом, концепция общего

²⁴ Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. С. 98.

²⁵ Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л., 1989. С. 40–41.

²⁶ Федосов И. А. Абсолютизм // Очерки русской культуры XVIII века: В 4 ч. М., 1987. Ч. 2. С. 9–10; Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. С. 112–113; Кром М. М. К пониманию московской «политики» XVI в.: дискурс и практика российской позднесредневековой монархии // Одиссей. Человек в истории. М., 2005. С. 283–303.

²⁷ Зайцева Л. И. Иван Тихонович Посошков о благоустройении русской жизни и Россия Петра Первого. М., 2010. С. 418–419.

блага органично вписывалась в концепцию абсолютизма — регулярного государства с четко налаженным военно-полицейским режимом. По мысли Петра I и его приближенных, в существовании такого государства был заинтересован и монарх, и каждый добропорядочный подданный²⁸. При этом общее благо становилось выше личной преданности; законы и государство рассматривались как более долговечные и ценные по сравнению с особой царя. Забота об общем благе, соблюдение законов и божественное предначертание понимались как важные характеристики истинной монархии, отличающейся от автократии, самовластия или восточной деспотии. Эти различия осознавались современниками как важные²⁹. Когда же приоритетной оказывалась мысль, что существующее государственное устройство является не истиной монархией, а деспотией, дважды произошли дворцовые перевороты. Таким образом деспотизм демонстрировал свою нежизнеспособность в исторических реалиях России XVIII в.³⁰

Достижение общего блага страны стоило многих жертв подданным Петра I. Можно много и долго говорить о всеобщем закреплении, о тяжелейшей для страны войне, болезненной ломке сложившихся культурных и бытовых привычек. Главная ценность камерализма — население — оказалась в чрезвычайно трудных условиях, и это считалось оправданным для достижения высоких целей³¹.

Здесь же уместно сделать и оговорку об отличиях абсолютизма от тоталитаризма, располагающего технически более совершенными средствами контроля над каждой отдельно взятой личностью или социальной группой (и потому являния более позднего) и не обязательно связанного с монархией.

²⁸ Сыромятников Б. И. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология: В 2 т. М.; Л., 1943. Ч. 1. С. 151–152; Павленко Н. И. Идеи абсолютизма в законодательстве XVIII в. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М., 1964. С. 398–400; Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма. С. 50–53; Трегубов М. В. Эффективность системы государственного управления (Теоретико-правовой аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000; Зайцева Л. И. Иван Тихонович Посошков. С. 426; Raeff M. The Well-Oriented Police State.

²⁹ Монархия турецкая описанная чрез Рикота бывшего англнского секретаря посольства при Оттоманской порте. СПб., 1741; Монтескье Ш. Л. О духе законов. СПб., 1901; Пресняков А. Е. Александр I. Пг., 1924. С. 16; Сафонов М. М. Конституционный проект Н. И. Панина — Д. И. Фонвизина // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 6. Л., 1974. С. 271–280; Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. С. 342, 352.

³⁰ Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. С. 510–512.

³¹ Стоит заметить, что и немецкий камерализм рассматривал население не как ценное само по себе и достойное заботы со стороны государства, а как ценное для государства с фискальной точки зрения. Но и такие установки едва ли можно считать характерными для России. Фискальные интересы были вторичными по сравнению с амбициозными имперскими проектами и блеском двора в т. н. «периоды передышек».

По сравнению с ними человеческая жизнь (не говоря уже о благосостоянии, комфорте или здоровье) ничего не значила. Что это были за высокие цели, кривящиеся за фразами «общее благо» и «государственная польза»? Пополнение казны, получение прибыли? Нет, это были средства, а не конечная цель. Представляется, что в центре русского варианта меркантилизма и камерализма был символический капитал. Каждый русский монарх понимал его по-своему, но на протяжении всего XVIII в. (да и большей части двух следующих тоже) властитель неизменно ставил символический престиж превыше всего и готов был принести ради него различные жертвы: собственные труды, денежные запасы казны, природные ресурсы, непосильный труд подданных и многое другое. Для Петра I эти представления были связаны прежде всего с международным престижем страны и военными победами, для Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны — с придворным блеском и роскошью, для Павла I — с идеями дисциплины и порядка в государстве, которые наглядно воплощали марширующие на парадах солдаты, и т. д. Важно отметить, что ни один из них не ориентировался на главные символические ценности Средневековья: традиции, старину и святую веру. Такой вариант камерализма не был уникальным, исключительно русским явлением. В некоторых западноевропейских странах XVIII в. символический капитал подчас также ценился значительно выше золота, денег, земель и населения³².

Описанные общие установки имели самое непосредственное отношение практически к любой сфере жизни и государственного управления. В области становления лесного хозяйства проявлялись:

- монополизация и мобилизация ресурсов (идеологическим обоснованием таких решений были:
 - стремление к укреплению абсолютной власти монарха;
 - вера во всеилие государства как наиболее разумного организующего начала;
 - забота об «общем благе»);
- установление контроля над этими ресурсами на принципиально новом уровне;
- бюрократизация;
- активное обоснование принимаемых решений как разумных;
- приоритет символических ценностей;
- секуляризация и модернизация представлений о символических ценностях на уровне монарха и его ближайшего окружения.

³² *Sörlin S. Ordering the World for Europe: Science as Intelligence and Information as seen from the Northern Periphery // Osiris. Vol. 15. Nature and Empire: Science and the Colonial Enterprise. Chicago, 2000. P. 51–69.*

Перечисленные принципы продолжали активно развиваться во второй половине XVIII в., когда общеевропейским явлением стал просвещенный абсолютизм. Прусский король Фридрих II, король Швеции Густав III, Иосиф Австрийский увлекались идеями французских философов, обосновывали свои действия идеями Д. Дидро, Ф.-М. А. Вольтера и Ш.-Л. Монтескье³³. Учения не составляли единый комплекс, а были очень разными, зачастую противоречащими друг другу. Основными общими тенденциями были:

- концепция разумного начала как цель, для достижения которой можно было соединить утилитаризм с поисками счастья каждого человека;
- восходящие к теоретикам естественного права XVII в. представления о законе и его определяющем месте в жизни страны;
- неукоснительное соблюдение закона монархом и каждым из подданных, которое рассматривалось как основа для достижения общего блага³⁴.

На русской почве западноевропейская философия обеспечила новое социальное и нравственное обоснование модернизации, базирующейся на вере в разум, рациональное начало и справедливость³⁵. В царствование Екатерины II под влиянием европейской литературы существующая политическая система получила теоретическое обоснование как необходимая и в наибольшей степени соответствующая российским условиям³⁶. Для просвещенного абсолютизма оказались характерны реформаторская деятельность, стремление к реализации потенциала развития в рамках существующих правовых традиций и феодальных отношений, выборочное использование рекомендаций философов-просветителей для модернизации Российского государства³⁷.

Концепция полицейского государства подвергалась критике как допуская злоупотребления со стороны монарха и чиновничьего

³³ Дружинин Н. М. Просвещенный абсолютизм. С. 430–431.

³⁴ Black J. Eighteenth Century Europe. 1700–1789. London, 1900. P. 208; Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. С. 333–351.

³⁵ Российская модернизация: проблемы и перспективы. Материалы круглого стола // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 25.

³⁶ Федосов И. А. Абсолютизм. С. 14–15.

³⁷ Федосов И. А. Просвещенный абсолютизм в России // Вопросы истории. 1970. № 9. С. 34–55; Захаров В. Ю. Конституционализм как вариант модернизации российского абсолютизма в конце XVIII — первой четверти XIX в. // Российская история. 2011. № 6. С. 36.

Представляется недостаточно обоснованной характеристика политики Петра I или Елизаветы Петровны как просвещенного абсолютизма (см., например: Шмидт С. О. Политика просвещенного абсолютизма в России середины XVIII в. // Россия и Испания: историческая ретроспектива. М., 1987. С. 261–286).

аппарата, за которым нет надлежащего контроля, но идея единообразного и рационального регулирования общества оставалась неизменной. Уходила в прошлое и мода на меркантилизм, однако оставалась идеалом одна из основных идей западноевропейского камерализма — идея службы чиновника на благо государства. Правителям и их ближайшему окружению были известны многочисленные памфлеты и трактаты, которые внедряли абстрактную идею государства, представления о чиновнике как служащем стране не из вассального подчинения сюзерену и не ради своей корысти, а с целью внести вклад в общее благо. Таким образом, происходила трансформация понятия «общее благо», и постепенно формировалось современное понятие «правовое государство». Камерализм превращался в основу современного секулярного социального мышления, представляющего общественные процессы в категориях частной выгоды, общественного блага и универсальной законности. Однако увлечение либеральными идеями имело естественные ограничения. Поддержание стабильности в государстве ассоциировалось с консервативным началом, опорой на традиции, проведением только постепенных и хорошо продуманных преобразований. Такой взгляд стал характерным для монархических правительств после Великой Французской революции. Таким образом оказался исключен творческий потенциал подданных, а цивилизаторская миссия власти снова представала в петровских традициях силового перераспределения ресурсов³⁸.

Соответственно, характерными чертами просвещенного абсолютизма, проявлявшимися во всех сферах управления страной, стали:

- стремление отказаться от полицейских принудительных методов управления;
- просветительская деятельность;
- опора на накопленный опыт и существовавшие традиции при продолжении реформ, направленных на модернизацию страны;
- делегирование инициативы и ответственности просвещенным подданным.

Параллельно развивались социально-экономические процессы: рост промышленности и торговли, распространение образования, становление частной собственности, стремление просвещенных дворян управлять своими имениями в соответствии с новейшими учениями, постепенная рационализация и секуляризация сознания.

³⁸ Козлов С. А. Взгляды Екатерины II на сельское хозяйство России и перспективы его развития в контексте имперской аграрной политики второй половины XVIII века // Северо-Запад в аграрной истории России. Вып. 17. Калининград, 2010. С. 38.

Закрепощение природного ресурса

Становление абсолютизма и распространение меркантилизма в России сопровождалось усилением крепостного права. Эти явления были тесно связаны между собой в патриархальном обществе, где взаимоотношения между помещиком и его крепостными понимались как аналогичные выстраиваемым царем на государственном уровне. Аграрная экономика определяла прочность патриархальных традиций и развитие государства по пути укрепления абсолютизма.

В XVIII — первой половине XIX в. крепостное право было основным принципом организации социальных отношений³⁹. Оно являлось фундаментальной, всепроникающей и высоко интегрированной системой, обеспечивавшей равновесие социальных, экономических, политических, демографических, экологических и других сил⁴⁰. Эти отношения распространялись не только на помещиков и крестьян. Свои «крепостные» были у купцов и посадских людей. С этой формой зависимости несколько раз предписывалось покончить посредством продажи крестьян помещикам, но она продолжала существовать⁴¹. «Крепостными» владели и некоторые крепостные крестьяне, и солдаты⁴². Как форму зависимости, близкую к крепостной, можно рассматривать институт подмастерьев.

Идея Петра I о вознаграждении достойных за личные заслуги офицерскими чинами и дворянским достоинством работала скорее в качестве исключения. На государственной службе иерархия была основана на отношениях, обусловленных крепостным правом: рядовой состав комплектовался из рекрутов, офицерский — из дворян. Культура взаимоотношений между офицерским составом армии и флота и рядовыми во многом воспроизводила отношения между помещиками и их крепостными.

В первую очередь крепостное право являлось системой социальных отношений, и его формирование не могло завершиться без активного государственного регулирования. Отдельный помещик не обладал достаточной силой для того, чтобы вернуть беглого кре-

³⁹ Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. С. 52–53.

⁴⁰ Hoch S. L. Serfdom and Social Control in Russia: Petrovskoe, a Village in Tambov. Chicago, London, 1986.

⁴¹ Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. С. 286.

⁴² Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II: В 2 т. СПб., 1881. Т. 1. С. 298; Хромов П. А. Экономическое развитие России. М., 1967. С. 69–70; Пайнс Р. Собственность и свобода. М., 2000. С. 257; Росписка матери, отдавшей свою дочь для прокормления солдату, 1763 года // Сборник старинных бумаг, хранящихся в Музее П. И. Щукина. Ч. 3. М., 1897. С. 187.

стьянина. Поэтому об установлении крепостного права можно говорить при наличии следующих обстоятельств:

- на государственном уровне запрещаются переходы крестьян;
- складывается система сыска и возвращения беглых;
- государство принуждает различные слои общества выполнять ряд обязательств перед страной (укрепляющееся государство нуждается в больших ресурсах, в связи с чем увеличиваются подати, вводятся новые повинности, обязанности, ограничения; само прикрепление к земле было удобно с точки зрения контроля над населением и фискальных мероприятий)⁴³.

Соответственно, признавая систему крепостного права органичной частью общества Нового времени с характерными для него отношениями патроната и клиентелы, необходимо сказать, что крепостное право является таковым только в тех сферах, где государство выступало в качестве гаранта таких отношений.

Крепостное право во многом относилось к сфере обычного права, на протяжении всего периода его существования не было законодательства, четко определявшего права и обязанности вовлеченных в такие отношения людей⁴⁴. Применительно к природным ресурсам законодательство также было преимущественно репрессивным: активное государственное регулирование выражалось больше в запретах, чем в гарантии прав и возможностей; чиновники и лесозаготовители часто следовали давно устоявшимся традициям.

В историографии довольно распространено мнение, что в начале XVIII в. в России произошло закрепощение всех социальных групп, не только крестьянства⁴⁵. Такой взгляд связан с пониманием крепостного права как системы, установленной и поддерживаемой

⁴³ Братиану Г. И. Прикрепление к земле и фискальный режим. Опыт румыно-славяно-византийской истории // *Анналы экономической и социальной истории*. Избранное. М., 2007. С. 303–322.

⁴⁴ Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. С. 450.

⁴⁵ Романович-Славинский А. В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870. С. 147; Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. СПб., 1898. С. 44, 50, 227–229; *Inkels A. Social Stratification in Modernization of Russia // The Transformation of Russian Society: Aspects of Social Change since 1861. Cambridge, 1960. P. 338–352; Feldmesser R., Social Classes and Political Struggle // The Transformation of Russian Society... P. 235–252; Confino M. Issues and Nonissues in Russian Social History and Historiography // Kennan Institute for Advanced Russian Studies. Occasional Paper. 1983. N 165; Анисимов Е. В. Время петровских реформ. С. 310. P. 3–7; Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. С. 142; Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. СПб., 2000. Т. 1: Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. С. 80, 140–141; Он же. Российская империя: от традиции к модерну: В 3 т. СПб., 2015. Т. 2. С. 20–38. и др.*

на государственном уровне, сопряженной с обязательствами каждого подданного перед монархом.

Представляется убедительным и важным тезис Б. Н. Миронова: «Крепостничество могло существовать как государственное, корпоративное или частное в зависимости от того, кто являлся субъектом крепостнических отношений — государство, корпорация или отдельный человек»⁴⁶. В XVIII в. всему населению страны было вменено больше обязанностей перед государством, более жесткими стали механизмы управления и контроля. Окончательное оформление крепостного права заключалось в уравнении холопов с крестьянами, объединении их в податное население, «крепостные и ревизские души»⁴⁷. Активно проводились мероприятия по сыску и возвращению беглых, усиливались степень зависимости и интенсивность эксплуатации. Крестьяне были вынуждены исправно платить подушную подать, строить корабли и новые города, идти служить в армию и обеспечивать ее содержание и др. «Плакат» 1724 г.⁴⁸ практически лишил крестьян свободы передвижения. Особую роль в усилении фискального аппарата сыграло введение подушной подати, когда каждый крестьянин ставился на государственный учет.

На службу государственным интересам были поставлены и другие социальные группы. Дворяне были обязаны учиться, нести службу, каждый дворянин был приписан к полку или государственному учреждению; жил там, где приказал царь, в случае провинности терпел телесные наказания. Духовенство находилось под двойным контролем светских и духовных властей. Жители городов были приписаны к городу, посадской общине, выполняли целый ряд обязанностей перед государством. Таким образом, все население подверглось существенным ограничениям и было поставлено в условия несвободы — в разной форме, но в равной степени. Каждый человек стал оцениваться с точки зрения государственной полезности — как военный или гражданский служащий, как плательщик податей и сборов, как исполнитель государственных повинностей и т. п.

⁴⁶ Миронов Б. Н. Социальная история. С. 361.

⁴⁷ Анисимов Е. В. Изменения в социальной структуре русского общества в конце XVII — начале XVIII века (Последняя страница истории холопства в России) // История СССР. 1979. № 5. С. 35–51; *Он же*. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1718–1728 гг. Л., 1982; *Он же*. Социальный аспект податной политики русского абсолютизма в первой четверти XVIII века // Наука и культура России XVIII века. Л., 1984. С. 188–200.

⁴⁸ Плакат о сборе подушных денег, о повинностях земских обывателей в пользу квартирующих войск и о наблюдении полковым начальством благочиния и порядка в селениях, войсками занимаемых. 26 июня 1724 г. // Полное собрание законов Российской Империи: В 45 т. СПб., 1833 (далее — ПСЗ I). Т. VII. № 4533.

Установление крепостного права диктовалось государственными потребностями, в первую очередь необходимостью обеспечения стабильности⁴⁹.

Тезис всеобщего закрепощения может быть развит как тезис о закрепощении всех ресурсов в государстве, включая земли и недра, в отношении которых были приняты новые законы. Относительно безмятежное существование лесов прекратилось с началом строительства флота. Раньше тишину лесной глуши нарушали охотники, бортники; время от времени расчищались новые земли под пашни и поселения, устраивались засечные черты. Удовлетворение скромных потребностей Московского государства XV–XVII вв. можно считать совершенно необременительным для экосистемы по сравнению с интенсивной эксплуатацией, начавшейся в 1696 г.⁵⁰ Леса были оценены с точки зрения государственной полезности; при этом ставилась задача взять на учет каждое дерево, что сравнимо с подушной переписью в области социальной политики. Одновременно мобилизованы человеческие и природные ресурсы. Активное строительство, развитие промышленности и внешней торговли, ужесточение системы учета и контроля над использованием природных ресурсов создавали новые условия природопользования, открывали новую страницу в истории русских лесов. И по степени жесткости эксплуатации и учета природных ресурсов государственная монополия на леса, введенная при Петре, была сравнима с интенсивностью эксплуатации и учетом людских ресурсов в условиях крепостного права.

Продолжая рассуждения на тему сущности крепостного права, можно сказать, что государство брало на себя обязательство гарантировать работу крестьянина на своего помещика, регулярную уплату податей посадским человеком, обязательную службу дворянина и рациональное использование лесов при равной интенсивной эксплуатации всех ресурсов.

После смерти Петра I железная хватка государства несколько ослабла, но не более того. Она не исчезла, давно уже не принято говорить о дворянской империи или народных мечтаниях о свободе в середине XVIII в. Примерно та же ситуация наблюдается и по отношению к природным ресурсам.

⁴⁹ Миронов Б. Н. Российская империя. С. 18.

⁵⁰ Основываясь на объемах лесозаготовок для нужд промышленности и торговли, М. А. Цейтлин также относит начало интенсивной эксплуатации лесов к рубежу XVII–XVIII вв. См.: Цейтлин М. А. Лесная промышленность крепостной России. Сдвиги в экономике и технике лесозаготовок и лесопиления крепостной России: Дис. ... канд. экон. наук. Л., 1940. С. 11.

По словам М. А. Цейтлина, в XVIII в. произошло «превращение леса из бездоходного в доходное имущество»⁵¹. Изначально ценность осознавалась параллельно со становлением прав собственности на землю, сперва монопольных государственных, затем дворянских. Тенденции становления прав частной собственности на лесные угодья заметно усилились во второй половине XVIII в. Если раньше частные лесные угодья были мелкими островками в безбрежном море общинных или диких непроходимых лесов, принадлежавших государю как владельцу всех земель в государстве, то с началом екатерининского правления появились многочисленные собственники. Как человек в условиях усилившегося крепостного права не мог уйти, выбрать, на кого работать, так и природные массивы оказывались в распоряжении хозяев — чиновников или частных владельцев, казенных подрядчиков или купцов. Манифест о вольности дворянства создавал новые условия: крестьяне оказывались прикрепленными не к земле, но к своим владельцам. В то же время менялось и отношение к правам собственности на землю, в частности на лесные угодья. И государство вновь брало на себя функцию гаранта соблюдения этих прав: полиция и суд должны были охранять право помещика и на его крестьян, и на деревья, растущие в поместье (особая проблема — насколько декларированные нормы действительно выполнялись, и насколько они были реалистичными в принципе). Историография последних лет вплотную подошла к введению в оборот понятия «закрепощенный ресурс». Рассуждая об использовании лесов в пореформенной России, Е. А. Правилова пишет о неразрешенной дилемме: нужно было защитить права частной собственности и одновременно «освободить природные ресурсы от связанных с этими правами ограничений»⁵².

Понятие «крепостное право» имело два аспекта — эксплуататорский и патерналистский. Государство настаивало на обязательной службе дворян, но одновременно брало на себя их материальное обеспечение, стимулировало их получать образование в интересах не только мощи империи, но и успешной карьеры будущих офицеров. Помещики должны были быть заботливыми «отцами» по отношению к крестьянам в своих имениях⁵³. В процессе установления крепостного права многие крестьяне шли в добровольное закабаление, ища защиты более сильных. Мотив неспособно-

⁵¹ Цейтлин М. А. Лесная промышленность крепостной России. С. 8.

⁵² Pravilova E. A. A Public Empire: Property and the Quest for the Common Good in Imperial Russia. Princeton, 2014. P. 91.

⁵³ Марасинова Е. Н. Эпистолярные источники о социальной психологии российского дворянства (последняя треть XVIII в.) // История СССР. 1990. № 4. С. 171.

сти крепостных выжить без помощи помещика в случае неурожая, болезни, крупного пожара и других бед не утрачивал актуальности на протяжении всего XVIII в. И. А. Эйлер писал, что отмена уничижительного «рабского состояния» будет возможна только когда крестьяне накопят достаточное состояние, чтобы свободное существование стало для них посильным⁵⁴. Автор заметки в «Земледельческом журнале» 1821 г. подчеркивал ответственность помещиков:

...помещиком я разумею наследственного чиновника, которому верховная власть, дав землю для населения, вверила через то и попечение о людях населенных. Он есть природный покровитель сих людей, местный их судья, ходатай за них, попечитель о неимущих и сиротах, наставник в благом, наблюдатель за благоустройством и нравами⁵⁵.

Следование этому принципу обеспечивало благосостояние дворянина:

Богатство и счастье крепостных людей составляет единственный источник нашего собственного благосостояния и материальной прибыли; при такой аксиоме надо быть дураком, чтобы истощать родник личного нашего интереса⁵⁶.

В этом отношении тезис закрепощения лесов также представляется обоснованным: усиливая эксплуатацию, государство провозглашало «бережение лесов» одной из своих важнейших задач. Передача прав на леса частным владельцам была связана с надеждами на то, что помещики будут лучше заботиться о землях, чем чиновники. Добросовестное исполнение долга по рациональному использованию ресурса трактовалось и как задача государственной важности, и как долг добропорядочного дворянина, и как залог его благосостояния.

Усиление крепостного права в течение XVIII в. выразилось в увеличении численности зависимого населения и в существенном расширении сферы помещичьего регулирования. Одновременно больше проявлялись эксплуатация и патернализм. Традиционные представления о том, что есть «дело барское», а что — «мужицкое»,

⁵⁴ Эйлер И. А. [Записка о крепостном состоянии]. Декабрь 1766 г. // РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 379. Л. 73–75 об.

⁵⁵ Цит. по: Ольминский М. С. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. М.; Л., 1925. С. 58.

⁵⁶ Дашкова Е. Р. Записки. СПб., 1907. С. 95–96.

переставали соотноситься с повседневной практикой и идеями помещиков, получавших образование и тяготевших к ценностям Просвещения. Проявление заботы о своих крестьянах приобретало самые разнообразные формы: от внедрения новых сельскохозяйственных культур до регулирования семейных отношений; от письменной регламентации сезонных работ до мелочного контроля за соблюдением режима дня. Многие из этого делалось не из корыстных соображений, а во благо «темных» крестьян, которые, пока хоть и ворчат, потом оценят барскую заботу. Положительные или отрицательные результаты многих новшеств в поместьях проявлялись только спустя достаточно долгое время. Когда новшества вводили, те, кого это затрагивало, воспринимали их как новые тяготы. Яркий сюжет обыгран М. А. Захаровым в комедии «Формула любви». Крестьяне говорят по-латыни благодаря старому барину, который назван великим просветителем. Сцена оставляет простор для фантазии на тему, как было организовано обучение мертвому языку, и почти не вызывает сомнений по поводу степени «энтузиазма», с какой такая инициатива могла быть встречена в поместье. В XVIII в. подобные начинания устраивались не только в области социальных отношений. Изучение экологической истории дает богатый материал, показывающий, чем оборачивались искренне благие намерения совершенствования мира⁵⁷.

В отличие от людских ресурсов, природные в дальнейшем не были «освобождены». Снятие государственной монополии не может считаться возвращением к былой свободе. Ценность лесов на новом уровне осознавали не только государственные мужи, частные собственники стремились к еще более интенсивной эксплуатации, чем в годы бурного петровского строительства.

Со временем развитие технологий определило дальнейшее усиление крепостного права по отношению к ресурсам, вплоть до их «порабощения» в годы урбанизации, советского покорения природы и постсоветской гонки за обогащением за счет природных ресурсов. Представляется, что коренным отличием «закрепощения» от «порабощения» является мотив патернализма, заботы о сохранении. Обобщенно говоря, рабовладелец, «говорящие орудия» которого умерли от постоянных лишений и непосильного труда, мог жить с мыслью о том, что новый поход против варваров с лихвой восполнит утраты. В феодальном обществе аналогичные рассуждения звучали бы нелепо. Принятый в 2006 г. Лесной кодекс РФ предполагает, что частные собственники приватизированных лесов и регионы,

⁵⁷ Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни. М., 2005.

в ведение которых переданы функции по охране природных ресурсов, исходят из соображений заботы о своей выгоде в долгосрочной перспективе, так же как двести лет назад добропорядочные помещики к своим крестьянам. Однако на практике предпринимательская логика сиюминутной выгоды оказывается сильнее и стимулирует максимальное использование ресурсов, ничем не сдерживаемое потребительское отношение к лесам.

Историография

Модернизационные процессы в России XVIII в.

Понятие «модернизация» широко используется в современной литературе. Оно начало складываться на рубеже XIX–XX вв. в работах немецких социологов М. Вебера и Ф. Тенниса, описывавших исторический процесс как процесс социально-экономической, культурной и политической трансформации традиционного общества в индустриальное, формирования либерально-демократических институтов, правового государства и гражданского общества. В середине XX в. западные исследователи разработали теорию модернизации, определили концептуальные рамки, описали множественность вариантов развития этих процессов. В результате дискуссии в первой половине 1960-х гг. специалисты пришли к общему мнению о применимости термина к описанию событий российской истории. Один из участников обсуждения, специалист по теории модернизации и сравнительно-историческим исследованиям С. Блэк определил модернизацию как «процесс, в результате которого исторически сложившиеся институты приспособляются к быстро меняющимся функциям, отражающим беспрецедентный рост знаний человека, делающий возможным контроль над окружающей средой и сопровождаемый научной революцией»⁵⁸. С тех пор понятие «модернизация» прочно вошло в историческую литературу. Прежде те же процессы описывались иными терминами («приобщение России к числу европейских цивилизованных государств», «догоняющее развитие»), но в центре внимания они оказались с XVIII в.⁵⁹

⁵⁸ *The Development of the USSR. An Exchange of Views.* Seattle, 1964; *Black C. E. The Dynamics of Modernization. A study in Comparative History.* New York; Evanston; London, 1966. P. 7; *Каменский А. Б.* От Петра I до Павла I.

⁵⁹ Например: *Бабурин Д. С.* Очерки по истории Мануфактур-коллегии.

В советской историографии концепция модернизации была сначала принята в штыки как очередное веяние буржуазной науки⁶⁰. Негативное отношение стало меняться на противоположное на фоне смены идеологических и политических ориентиров в стране⁶¹. И вот уже не первое десятилетие теория модернизации занимает прочные позиции в историографии, дает надежную теоретическую базу для описания самых разных частных изменений в контексте глобальных процессов социальной трансформации. Множество, казалось бы, разрозненных и не похожих друг на друга событий оказываются частями единого процесса, изменений, происходящих на основе определенных закономерностей⁶². По сути, теория модернизации стала макроисторическим подходом к изучению развития, пришедшим на смену формационному и цивилизационному подходам. Предприни-

⁶⁰ *Социология и идеология* / ред.-сост. Л. А. Воловик. М., 1969; *Крупина Т. Д.* Теория «модернизации» и некоторые проблемы развития России конца XIX — начала XX в. // *История СССР*. 1971. № 1. С. 191–205; *Модржинская Е. Д.* Социологические аспекты национального суверенитета (доклад и обзор выступлений) // *Социологические проблемы международных отношений*. М., 1970. С. 215–216; *Волков Л. Б.* Теория модернизации — пересмотр либеральных взглядов на общественно-политическое развитие (обзор англо-американской литературы) и критический анализ буржуазных теорий модернизации. М., 1985; *Розе Г.* Прогресс без социальной революции? (теории «модернизации» и буржуазные социальные науки). М., 1985.

⁶¹ *Поткина И. В., Селунская Н. Б.* Россия и модернизация (в прочтении западных ученых) // *История СССР*. 1990. № 4. С. 194–206; *Российская модернизация*. С. 3–39.

⁶² *Герасимов И. В.* Российская ментальность и модернизация // *Общественные науки и современность*. 1994. № 4. С. 63–73; *Красильщиков В. А., Гутник В. П., Кузнецов В. И. и др.* Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994; *Ильин В. В., Панарин А. С., Ахизер А. С.* Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса. М., 1996; *Лейбович О. Л.* Модернизация в России. К методологии изучения современной отечественной истории. Пермь, 1996; *Милецкий В. П.* Российская модернизация: предпосылки и перспективы эволюции социального государства. СПб., 1997; *Красильщиков В. А.* Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998; *Манькова И. Л.* У истоков российской модернизации // *Уральский исторический вестник*. № 5–6. Екатеринбург, 2000. С. 8–49; *Алексеев В. В., Побережных И. В.* Школа модернизации: эволюция теоретических основ // *Уральский исторический вестник*. 2000. № 5–6. С. 184–202; *Каспэ С. И.* Империя и модернизация: общая модель и российская специфика. М., 2001; *Проскурякова Н. А.* Концепции цивилизации и модернизации; *Бородкин Л. И.* [Рецензия на коллективную монографию] «Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века» // *Отечественная история*. 2003. № 5. С. 188; *Он же.* Модернизационные аспекты индустриализации дореволюционной России // *От Древней Руси к Российской Федерации. История российской государственности*. СПб., 2013. С. 321–337; *Васильев Л. С.* Модернизация как исторический феномен (о генеральных закономерностях эволюции). М., 2011.

маются попытки совмещения цивилизационного и модернизационного подходов, но они пока не получили широкого признания и распространения⁶³. Так как теория модернизации предлагает новый вариант линейного описания глобальных процессов, она, с одной стороны, удобна для исследователей, привыкших работать с теорией формаций, с другой стороны, она подвергается критике, так как историческое развитие не всегда является линейным и вписывается в заданные концепцией рамки⁶⁴. Теорию модернизации активно используют политологи, экономисты, социологи, культурологи и философы.

В рамках концепции модернизации разнообразные исторические работы написаны на отечественных материалах. Одни авторы уделяют основное внимание государственной политике (как правило, они пишут о насильственном характере модернизации, описывают ее как навязанные сверху чуждые обществу и плохо прижившиеся институты, технологии, взаимоотношения; социальная природа модернизации часто уходит на второй план в таких исследованиях)⁶⁵, другие сосредотачивают свое внимание на социально-экономиче-

⁶³ *Побережников И. В.* Восточные регионы в контексте российских модернизаций: специфика развития (XVIII – начало XX в.) // Исторический опыт российских модернизаций XIX–XXI веков. Специфика регионального развития. Казань, 2012. С. 28–39; *Феофанов К. А.* Исторические сюжеты «цивилизационной теории модернизации» // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 3. С. 3–21.

⁶⁴ *Лубский А. В.* Модернизация: смена парадигм // Модернизация России и Европа: Сб. материалов: В 3 т. Ростов-на-Дону, 2005. Т. 1. С. 90–93; *Проскуракова Н. А.* Концепции цивилизации и модернизации; *Крадин Н. Н.* Проблемы периодизации исторических макропроцессов // История и математика: модели и теории. М., 2008. С. 166–200; *Васильев Л. С.* Модернизация как исторический феномен.

⁶⁵ *Медушевский А. Н.* Утверждение абсолютизма.; *Сапоговская Л. В.* Промышленная политика в контексте российской модернизации XVIII – начала XX в. // Уральский исторический вестник. № 5–6 (Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений). Екатеринбург, 2000. С. 238–239; *Муравьева Л. А.* Российское промышленное предпринимательство в первой четверти XVIII века // Финансы и кредит. 2007. № 29 (269). С. 66–74; *Захаров В. Ю.* Конституционализм как вариант. С. 31–51; *Тарасов О. А., Васильева С. А.* Исторический опыт модернизации пенитенциарной системы России в XIX веке (на примере Рязанской губернии) // Исторический опыт российских модернизаций XIX–XXI веков. Специфика регионального развития. Казань, 2012. С. 69–80; *Феофанов К. А.* Цивилизационные проблемы и перспективы российской модернизации // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 1. С. 8–9; *Гайдам Ф. А.* Проблема модернизации России в политической программе и деятельности П. А. Столыпина // От Древней Руси к Российской Федерации; Долгий XVIII век. С. 323–447.

ских процессах⁶⁶, третьи рассматривают технический прогресс⁶⁷. Сосредотачиваясь на отдельно взятых аспектах модернизации, многие авторы понимают ее как комплексный процесс.

Споры о характере российской модернизации XVIII в.

XVIII в. имеет большое значение в истории российской модернизации. Запущенные при Петре I процессы надолго определили парадигму исторического развития страны. Они не раз становились предметом пристального внимания историков.

В том, что российская модернизация имеет цель догнать Запад, вряд ли можно сомневаться. Неоднократно говорилось также о сопряженной с ней мобилизацией всех ресурсов страны. Традиционно в историографии подчеркивалась роль Петра I, переломившего ход русской истории (для XIX–XX вв. — других исторических личностей, но именно им, а не социальным и/или экономическим процессам отводится решающая роль в совершении решительных поворотов)⁶⁸. Современные авторы все чаще делают акцент на том, что необходимость модернизации диктовалась внешними вызовами, давлением стран Европы и угрозой суверенитету страны в случае сохранения

⁶⁶ Козлов С. А. Традиции и новации в дореформенной России (центрально-нечерноземные губернии). М., 2002; Алексеев В. В., Алексеева Е. В. Распад СССР в контексте теории модернизации и имперской эволюции // Отечественная история. 2003. № 5. С. 3–20; Гавров С. Н. Модернизация во имя империи: социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004; Травин Д. Я., Марганя О. Европейская модернизация. Т. 1–2. М., 2004; Давыдов В. П., Гребенниченко С. Ф. Какая там еще модернизация? // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 2. С. 3–25; Петров Ю. А. Государство и экономическая модернизация России (XVIII — начало XX века) // От Древней Руси к Российской Федерации. С. 107–122; Салихов Р. Р. Роль социальной активности татарского предпринимательства в условиях буржуазных преобразований XIX — начала XX в. // Исторический опыт российских модернизаций. С. 49–68; Сидоров Д. В. Способы и направления модернизации сословного дворянского капитала в российской провинции в 60–70 гг. XIX в. (на материалах Костромской губернии) // Там же. С. 81–88; Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 1–3.

⁶⁷ Высоков М. С. Российская империя на путях модернизации: зарождение и развитие электросвязи в XIX — начале XX вв.: Автореф. дис. ... д-ра истор. наук. СПб., 2004; Козлов С. А. Аграрная модернизация Центрально-Нечерноземной России в конце XVIII — начале XX века (основные этапы) // Отечественная история. 2004. № 2. С. 20–37; Семенов А. К. Городское самоуправление провинциальных городов России и задачи имперской модернизации в конце XVIII — начале XX в. Липецк, 2004; Бородкин Л. И. Модернизационные аспекты. С. 321–337.

⁶⁸ Анисимов Е. В. Время петровских реформ; Буганов В. И. Петр Великий и его время. М., 1989; Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1990 и др.

традиционного уклада. Поэтому реформы были продиктованы потребностью приспособить устаревшие институты к новым условиям⁶⁹.

Модернизация должна была преодолеть разрыв между технологической отсталостью страны и ее огромным потенциалом — природным, экономическим и культурным. Форсированные темпы, широкое использование силового принуждения, невозможность быстрых изменений на уровне ментальности и повседневных практик вели к заимствованию внешних признаков, а внутренние, глубинные структуры оставались прежними. Дальнейшие рассуждения на эту тему ведут историков к выводам о том, что модернизация была скорее идеей, чем характеристикой политических, экономических, социальных и культурных процессов в стране, а послепетровская Россия сохраняла намного больше черт традиционного общества, чем принято считать⁷⁰. Как правильно отметил Д. Островский, до сих пор термин «модернизация» по-разному трактуется исследователями, и для того чтобы адекватно оценивать процесс, необходимо учитывать его стадийность, степень приближения реформированного государства к другим современным ему⁷¹.

Другим дискуссионным вопросом является характер модернизации. Многие историки характеризуют развитие как скачкообразное, периоды резких рывков перемежались с временами застоя («пульсирующая» или «революционная» модернизация)⁷². Другие авторы показывают длительность и непрерывность процесса, преемственность политики различных монархов⁷³. Третьи

⁶⁹ Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. *Каспэ С. И.* Империя и модернизация; *Иноземцев В. Л.* История и уроки российских модернизаций // Россия и современный мир. 2010. № 2(67). С. 9–10; *Ghoncheh T.* International Library of Political Studies: Revolution and Reform in Russia and Iran: Modernization and Politics in Revolutionary States. London, 2012. P. 36–48; *Алексеева Е. В.* Внешние факторы российских модернизаций: история и современность // Исторический опыт российских модернизаций XIX–XXI веков: специфика регионального развития. Казань, 2012. С. 14–27; *Миронов Б. Н.* Российская империя.

⁷⁰ *Dixon S.* The Modernization of Russia, 1676–1825. Cambridge, 1999. P. 256–257; *Waugh D. C.* We Have Never Been Modern: Approaches to the Study of Russia in the Age of Peter the Great // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2001. № 49. S. 326; *Ostrowski D.* The End of Muscovy: The Case for circa 1800 // *Slavic Review*. 2010. Vol. 69. N 2. P. 426–238.

⁷¹ *Ostrowski D.* The End of Muscovy. P. 428–430.

⁷² *Янов А. Л.* Одиссея русской автократии // Перспектива. 1991. № 2. С. 78; *Медушевский А. Н.* Утверждение абсолютизма. С. 78; *Милецкий В. П.* Российская модернизация. С. 21.

⁷³ *Анисимов Е. В.* Россия без Петра: 1725–1740. СПб., 1994; *Каменский А. Б.* От Петра I до Павла I; *Самохин К. В.* Процессы модернизации в послепетровской России XVIII века // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 9 (17). С. 149–155.

приходят к выводу о необоснованности противопоставления традиционного и современного, говорят о возможности приспособления одного к другому и подчеркивают значимость такого компромисса как залога устойчивого органичного развития⁷⁴. Четвертые настаивают на несовместимости модернизации и традиционной империи. Баланс между потребностью обновления и нейтрализацией его негативных последствий представлен залогом существования империи⁷⁵.

Неоднозначно решается вопрос и о том, насколько глубоко зашли процессы модернизации. Много было сказано об их ограниченности: изменения затронули лишь относительно узкий круг лиц. Если в Европе модернизация была комплексной, то в России она касалась только некоторых компонентов социальной, политической, экономической и других систем, позволив достигнуть военного паритета. Незавершенность процесса, частичный охват, асинхронность модернизации различных сфер вели к парадоксальным последствиям — сосуществованию традиционных представлений и элементов западноевропейской культуры. Новые институты и явления воспринимались обществом как чужеродные элементы, не вписывались в существовавшие схемы, что порой вело к ломке культурных стереотипов, усилению традиционных черт в не затронутых модернизацией сферах и создавало ситуации, чреватые ломкой цельного сознания и социальными катаклизмами⁷⁶. Дворяне, воспринимавшие культуру Нового времени, сохраняли многие ценности средневекового мира⁷⁷. А претендовавшая на абсолютную власть монархия порой оказывалась не в состоянии управлять ситуацией на местах и находилась в зависимости от служащих губернских административных органов⁷⁸.

Многokrатно ставился вопрос о том, была ли модернизация осознанным и спланированным процессом, или же она представляла собой ряд разрозненных и противоречивых мер, принимавшихся под давлением различных внешних обстоятельств или сиюминутных по-

⁷⁴ Зарубина Н. Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. СПб., 1998. С. 127–128.

⁷⁵ Красильщиков В. А. Вдгонку за прошедшим веком. С. 24–34; Каспэ С. И. Империя и модернизация. С. 82–83.

⁷⁶ Ostrowski D. The End of Muscovy. P. 426–238; Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. С. 154–160; *Российская модернизация*. С. 13–19, 26.

⁷⁷ Каменский А. Б. Архивное дело. С. 21.

⁷⁸ Бугров К. Д., Киселев М. А. Насколько регулярным было «регулярное государство» в России XVIII в.? Принципы работы по входящим делам в Екатеринбургском уездном суде (1785) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2016. № 2. С. 29–36.

требностей, или с течением времени она приобрела продуманный характер⁷⁹. Постановку вопроса скорректировал А. Б. Каменский, отметивший, что следует обсуждать не степень осознанности исторических решений, а степень соответствия поставленных целей и задач достигнутым в итоге результатам⁸⁰.

Экологическая модернизация

С 1980-х гг. в социологии разрабатывается теория экологической модернизации. Различные специалисты рассматривают ее либо как экономический, либо как социально-политический процесс. Экологическая модернизация понимается как движение по пути гармонизации сосуществования человека, его среды обитания, общества и природы. Дискуссионным является вопрос о наиболее важной причине такого перехода. Специалисты ставят на первое место:

- процессы изменения технологий (переход к более безопасным с экологической точки зрения);
- переориентацию национальной экономики на сохранение окружающей среды и здоровья населения под давлением государства;
- процесс, который реализуют органы исполнительной власти и менеджеры предприятий в соответствии с заключениями экспертов;
- культурный дискурс, используемый политическими элитами для коммуникации с массами в институциональные изменения в государственных структурах и промышленности с целью компенсировать последствия экологического кризиса;
- изменение ролей государства, бизнеса и негосударственных организаций, в равной мере влияющих на выработку экологической политики;
- изменение природных объектов, их вида и свойств, что способствует формированию экологического сознания у населения и изменению практик использования ресурсов;
- формирование экологического сознания по законам действия социальных механизмов, посредством воспитания и образования⁸¹.

⁷⁹ Баггер Х. Реформы Петра Великого. Обзор исследований. М., 1985. С. 53–54.

⁸⁰ Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. С. 38.

⁸¹ Кулясов И. П. Экологическая модернизация: теоретические аспекты // Социология и социальная антропология. 2005. № 3. С. 100–113; Он же. Роль экологической модернизации в развитии цивилизации // Устойчивое развитие и экологический менеджмент. СПб., 2005. С. 203–210.

Казалось бы, представленные споры далеки от исторических реалий XVIII в., когда сознание было еще синкретичным, намечались лишь первые признаки будущей дисгармонизации отношений между человеком и окружающей его природной и социальной средой. Тем не менее это первые признаки, рассматриваемые как начало того же процесса, который изучают современные социологи:

- Что было первично — изменение технологий или воля политических деятелей, становление научного знания или смена культурного дискурса?
- Кто в большей степени формировал культурный дискурс — власть или население?
- Что способствовало укреплению идей о необходимости бережно относиться к природе — ощущение дефицита на бытовом уровне, пенитенциарная система или популяризация знаний о мире?

Изменение отношения человека к природным ресурсам в контексте модернизации привлекло внимание Дж. Скотта. Историк показывает, как в разных странах, разных условиях и в различных сферах власть устанавливала удобные для регулирования правила быта, использования природных ресурсов, планирования пространства. Веками сложившиеся практики поведения были неудобными для контроля и управления, казались нелогичными, нерациональными и потому неправильными и подлежащими изменению. В свою очередь, диктовавшиеся «сверху» правила были разработаны без учета повседневных реалий и потому оказывались неудобными или нежизнеспособными на практике. Сфера регулирования природопользования представляет ярчайшие примеры того, как это происходило и какие последствия имело⁸². Глава из книги Дж. Скотта, посвященная вопросу эксплуатации лесов, дает импульс для проведения исследований на более узком хронологическом и географическом материале, вписывания экологической истории XVII–XXI вв. в рамки концепции модернизации.

Затрагивает проблемы экологической истории и С. А. Козлов, хотя они находятся скорее на периферии его исследования модернизационного процесса. В частности, историк говорит о том, что крестьянские общины следили за умеренным использованием ресурсов, опираясь на традиции, как и в других сферах деятельности. С. А. Козлов воздерживается от положительной оценки бытовавших хозяйственных привычек, отмечая, вопреки приводимым сведени-

⁸² Скотт Дж. Благими намерениями государства.

ям, их расточительность в силу отсутствия представлений об ограниченности природных ресурсов⁸³.

К. Аппун подчеркивает, что изучение лесного хозяйства имеет особое значение для понимания процесса модернизации:

- повышение интереса власти к лесам характерно для всех государств раннего Нового времени;
- изучение лесного хозяйства дает работающие инструменты изучения эффективности государственного контроля: документы позволяют сопоставлять ставившиеся задачи с достигавшимися результатами;
- модели лесного хозяйства легко переносятся, так как они не связаны с институциональными или политическими условиями; это дает возможность сравнивать и находить ряд общих черт казалось бы очень непохожих друг на друга с точки зрения эффективности власти режимов;
- попытки решения лесного вопроса показывают, насколько государства были неспособны создать эффективную систему распределения и возобновления жизненно важного ресурса; принимавшиеся постановления создавали намного больше проблем, чем решали.

К. Аппун находит интересный подход к рассмотрению законодательства. Делая вывод о неэффективности контроля, он пишет, что законы показывают наиболее острые проблемы. К. Аппун подчеркивает противоречие между постоянными разговорами об истощении лесов и ростом экспорта древесины; говорит о необоснованности опасений, связанных с исчезновением лесов. На самом деле тревога определялась интересами различных пользователей и собственников, уменьшением возможностей казны неограниченно использовать ресурс по своему усмотрению⁸⁴.

Экологическая история.

Становление лесного хозяйства

В последние десятилетия экологическая история является важным направлением развития исторической науки. В ней сформировалось не меньше течений, чем в рамках концепции модернизации. Сторонники разных направлений по-своему понимают цели изучения и предмет экологической истории. Накоплен опыт изучения со-

⁸³ Козлов С. А. Традиции и новации. С. 25, 32–42.

⁸⁴ Appuhn K. Inventing Nature: Forests, Forestry and State Power in Renaissance Venice // Journal of Modern History. 2000. Vol. 72. N 4. P. 861–889.

циального аспекта естественнонаучного знания, истории наук о жизни, прошлого экосистем и перспектив их дальнейшего существования, истории природопользования и движения за сохранение природных богатств⁸⁵. Экологическая история привлекает к себе внимание исследователей разных областей: историков, биологов, экологов, инженеров и других специалистов, которые, сталкиваясь с острейшими проблемами современной жизни, пытаются найти ключ к их пониманию и решению в изучении прошлого. Разнообразие подходов настолько велико, что при обобщении приходится констатировать: предмет экологической истории сложно определить, существует несколько десятков определений, и все они в одинаковой степени имеют право на признание⁸⁶.

Одним из направлений экологической истории является изучение практики эксплуатации лесов, опыта ее регулирования государством. Изучается законодательство, история учреждений и ведомств, опыт описаний и картирования, процессы изменения флоры и фауны, технологический и другие аспекты. Помимо проблем современной экологии, интерес также обусловлен высоким значением леса как с экономической, так и с символической точки зрения.

*Когда человек начал заботиться
о сохранении лесов?*

В 1998 г. вышло первое издание «Истории леса» профессора Ганноверского университета, палеоботаника Х. Кюстера. Она положила начало целому ряду изданий по истории леса. При написании этой книги автор поставил перед собой задачу создать комплексную работу о лесах как о культурном ландшафте, связать мифы и реальность, показать взаимосвязь естественных процессов и человеческого влияния на природу⁸⁷. Через год вышло эссе гамбургского этнолога А. Лемана «О людях и деревьях. Немцы и лес». В этой работе он пишет, что лес является центральной темой немецкой культуры. Прямые вертикальные параллельные друг другу стволы —

⁸⁵ *Anniversary Forum: What's Next for Environmental History?* // *Environmental History*. 2005. № 10. P. 30–109; *McNeill J. R. Observations on the Nature and Culture of Environmental History* // *History and Theory*. Theme Issue. 2003. Vol. 42. P. 5–43; Александров Д. А., Брюггемайер Ф.-И., Лайус Ю. А. Экологическая история: введение // *Человек и природа: экологическая история*. СПб., 2008. С. 8–22.

⁸⁶ *Robin L., Carruthers J. Introduction: Environmental History and the History of Biology* // *Journal of the History of Biology*. 2011. Vol. 44. P. 1–2.

⁸⁷ *Кюстер Х. История леса. Взгляд из Германии*. М., 2012.

это зримый идеал порядка и армейской дисциплины⁸⁸. Тема взаимодействия человека и леса привлекает и профессора Билефельдского университета Й. Радкау, остановившегося на вопросе истории лесопользования в нескольких своих работах, в числе которых три монографии: «Человек и природа в истории», «Природа и власть. Всеобщая история окружающей среды», «Древесина. Как природный ресурс пишет историю». Он приводит факты, свидетельствующие о том, что заинтересованность человека в сохранении лесных богатств — явление раннее, свидетельства о нем обнаруживаются в средневековых источниках. Особенно остро проблемы сохранения окружающей среды стояли в регионах с холодным климатом, где вопрос обеспечения дровами становился вопросом выживания едва ли не одновременно с возникновением там первых поселений. История леса пронизывает всю историю человечества:

Тот, кто ищет в истории следы леса или дерева, быстро становится мономаном: повсюду он находит искомое, и в Европе, и в других регионах мира. Древесную основу жизни, экономики, культуры он найдет повсюду...

Уже в Средние века европейцы опасались истощения лесов (особенно в регионах с холодной зимой), и уже тогда политика по охране лесов становилась эффективным инструментом управления. Сложился стереотип: тот правитель, который заботится о лесах, заботится о своих подданных и о своей стране. Подводя итоги развития экологической истории с 1970-х гг., Й. Радкау пишет, что это направление до сих пор в большей степени привлекала биологов и этнологов, чем историков. Отсюда следует неоправданная дегуманизация экологической истории. Изучая, по сути дела, отношение человека к природе, его интересы и деятельность, исследователи словно не замечают главное действующее лицо и тот факт, что защита окружающей среды всегда диктуется нуждами и потребностями человека. В своих работах Й. Радкау успешно преодолевает этот недостаток, показывая взаимодействие человека и окружающей среды, ставя перед собой амбициозную цель — написать всеобщую, всеохватывающую историю в ракурсе истории экологической, он достигает этой цели, изучая, как историк, в первую очередь развитие человеческого общества, культуры, взгляды на природу. Важна его мысль о том, что стремление к долговременному лесопользованию, диктовавшееся изначально экономическими соображениями,

⁸⁸ *Lehmann A. Von Menschen and Bäumen. Die Deutschen und ihr Wald. Hamburg, 1999.*

впоследствии распространилось на отношение к природе в целом, трансформировалось в учение об экологии⁸⁹.

Традиционно образ России, также как и Германии, связывался с бескрайними лесными просторами. Древесина была основным материалом, из которого делалось все: от ложек и плошек до крестьянских изб и барских хором. Важность древесины как материала для строительства, изготовления различных орудий труда и предметов быта, а также постоянная потребность в топливе дают основание говорить о «деревянном веке». Этот термин был впервые предложен немецким исследователем В. Зомбартом и затем с энтузиазмом подхвачен во всем мире. Камень, медь, бронза, железо лучше сохраняются и потому доступны для изучения археологам, следовательно, удобны для создания исторической периодизации. Однако многочисленные деревянные изделия на протяжении многих тысячелетий были значительно более доступными и распространенными, оказывались едва ли не важнее по сравнению с предметами из более прочных и дорогих материалов, на основе которых строится принятая периодизация. Предметы из дерева окружали человека в быту, определяя его жизненный уклад и повседневные практики⁹⁰. Подобный подход близок и Г. Хобхаусу, рассматривающему древесину как один из четырех важнейших продуктов, от которых зависел прогресс⁹¹. К. Леви-Стросс пишет о том, что многие обычаи и верования, кажущиеся наблюдателю со стороны странными, порой даже бессмысленными, на самом деле направлены на сохранение экосистем, в которых сформировалась и существует традиционная культура⁹². Если заглянуть в еще более древние времена, недоступные наблюдению этнографов и антропологов, когда еще не началась хозяйственная деятельность человека, если обратиться к биологической сущности человека, то оказывается, что забота о гармонии с окружающей средой, ее сохранении — это заложенная в нас инстинктивная программа, действующая помимо нашего сознания и выработанная естественным отбором. Виды, истощающие свою естественную среду обитания, обречены на вымирание⁹³.

⁸⁹ Radkau J. Wood and Forestry in German History: In Quest of an Environmental Approach // Environment and History. 1996. Vol. 2. № 1. P. 63–76; Radkau J. Mensch und Natur in der Geschichte. Leipzig, 2002; Radkau J. Holz. Wie ein Naturstoff Geschichte schreibt. München, 2007; Radkau J. Nature and Power. A Global History of the Environment. Cambridge, 2008.

⁹⁰ Sombart W. Der moderne Kapitalismus. München, 1922. S. 138.

⁹¹ Hobhouse H. Seeds of Wealth. Four Plants that Made Men Rich. London, 2003.

⁹² Леви-Стросс К. Узнавать других. Антропология и проблемы современности. М., 2016. С. 26.

⁹³ Дольник В. Р. Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. М.; СПб., 2013. С. 25–28.

Тезисы о большом значении гармоничного существования человека в его привычной экосистеме и высокой хозяйственной ценности древесины в древнем и средневековом мире логически формируют уважительное отношение к ресурсу в традиционной культуре. Противоположный взгляд на проблему предполагает, что традиционное природопользование имело хищнический характер и наносило ущерб окружающей среде, а процессы модернизации, рационализации, вестернизации способствовали формированию экологического сознания⁹⁴.

К проблеме традиционного отношения к природным ресурсам примыкает вопрос о том, когда можно говорить о первых проявлениях заботы о сохранении природных ресурсов. По мнению некоторых историков, человек осознал опасность истощения флоры и фауны и стал налаживать лесное хозяйство ко второй половине XIX в.⁹⁵ Однако при более пристальном изучении проблемы оказывается, что данный процесс уходит корнями в первую половину XIX в., в XVIII столетие и даже в более ранний период, когда в России и Западной Европе стал ощущаться дефицит древесины, а на колонизированных европейцами тропических островах — резкое ухудшение состояния окружающей среды. Существенную роль в принятии мер по защите природных ресурсов играл дефицит. Конкуренция между промышленными предприятиями, нехватка дров, как правило, вынуждали правителей регулировать использование, распределение прав между подданными, порождали представления о законотворчестве такого рода как о проявлении заботы о населении страны. Нехватка высококачественных материалов для строительства линейных кораблей и реализации крупных государственных проектов так или иначе привела к государственной монополии; стратегические задачи оказались приоритетными по сравнению с частными

⁹⁴ Зябловский Е. Ф. Статистическое описание Российской Империи в нынешнем ее состоянии с предварительными понятиями о статистике и о Европе вообще в статистическом виде: В 2 кн. СПб., 1808. Кн. 2. С. 151–152; Круть И. В., Забелин И. М. Очерки истории представлений о взаимоотношении природы и общества. М., 1988; Соколов В. В. Очерки истории экологической политики России. СПб., 1994; Миненко Н. А. Экологические знания и опыт природопользования крестьян Сибири в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1991; Данилова Л. В. Традиционный опыт природопользования и современность // Традиционный опыт природопользования в России. М., 1998. С. 4–17; Никитин Н. И. Традиционная практика природопользования и экологические аспекты народной культуры // Там же. С. 335–355; Тарасенко В. П., Тепляков В. К. и др. История лесного образования и лесного опытного дела России. Ч. 1. Брянск, 2003.

⁹⁵ *Resources under Regimes. Technology, Environment and State.* Harvard; Cambridge; London, 2004. P. 30–32.

интересами. Одновременное ощущение дефицита разного рода вело к колебаниям правительственного курса и причудливым сочетаниям противоречивых мер⁹⁶.

Различные аспекты истории становления лесного хозяйства изучались и на российских материалах. Среди основных следует выделить изучение законодательства, статистики, картирования, технологий и причин сокращения лесов.

Государственная школа в историографии лесного хозяйства

Процесс развития законодательства удостоился более пристального внимания по сравнению с другими аспектами истории лесного хозяйства. Традиции русской государственной школы историографии⁹⁷, заложенные в XIX в., получили развитие в советской и постсоветской науке. По сей день большое внимание уделяется изучению правовой охраны лесов⁹⁸. Как правило, их авторы не предлагают принципиально новых трактовок и редко дискутируют между собой⁹⁹. Исключением из этого правила является оценка екатеринин-

⁹⁶ *Hay P. R.* The Contemporary Environment Movement as Neo-Romanticism: A Re-Appraisal from Tasmania // *Environmental Review*. 1988. № 12 (winter). P. 39–59; *Pepper D.* The Roots of Modern Environmentalism. London, 1984; *Worster D.* Nature's Economy: A History of Ecological Ideas. Cambridge, 1985; *La Freniere G. F.* Rousseau and the European Roots of Environmentalism // *Environmental History Review*. Vol. 14. N 4. P. 41–72.

⁹⁷ *Шелгунов Н. В.* История русского лесного законодательства. СПб., 1857. С. 1–50; *Ведров С. В.* О лесоохранении по русскому праву. СПб., 1878. С. 52–78; *Рудзкий А. Ф.* Краткий очерк истории лесоустройства. СПб., 1889; *Арнольд Ф. К.* История лесоводства в России, Франции и Германии. СПб., 1895. С. 204–209; *Орлов М. М.* Обзор лесоустроительных инструкций в связи с историей лесоустройства. СПб., 1904; *Гершман И.* Очерк истории лесовладения, лесной собственности и лесной политики в России // *Лесной журнал*. 1911. Вып. 3–4. С. 493–518; вып. 5. С. 794–816.

⁹⁸ *Чефранова Н. А.* Охрана природы в эпоху Петра Великого // *Охрана природы и заповедное дело в СССР*. № 6. М., 1960. С. 111–117; *Соколов В. В.* Очерки истории; *Гребенщикова Г. А.* Проблема сохранности корабельного леса в XVIII веке // *Вопросы истории*. 2007. № 12. С. 136–141; *Минин В. А.* Зарождение русского лесного законодательства и правовая охрана горнозаводских лесов в первой половине XVIII в. // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2007. № 2. С. 179–190; *Тяпкин М. О., Глазунов Д. А.* Эволюция системы управления лесами Российской Империи во второй половине XVIII в. // *Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология*. 2015. № 4(88). С. 207–213.

⁹⁹ *Рахилин В. К.* Формирование системы охраны природы; *Булгаков М. Б., Ябулганов А. А.* Российское природоохранное законодательство XI — начала XX в. М., 1997; *Двухсотлетие учреждения Лесного департамента 1798–1998*. Т. 1–2. М.,

ского периода, о чем будет специально сказано в соответствующей главе. Характерной чертой дореволюционных исследований был общеевропейский контекст, исчезнувший в советское время и пока сравнительно редко вновь появляющийся на страницах публикаций¹⁰⁰.

Ряд современных исследований посвящен региональным проблемам истории лесного хозяйства в различные периоды истории России. Особенно плодотворно в этом направлении работают сибирские исследователи¹⁰¹. Труды сотрудников Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН освеща-

1998; Краснощеков Г. П. Становление экоправа в России // Известия Самарского научного центра РАН. Самара, 2000. Т. 2. С. 191–199; Молчанов Б. А. Законодательство об охране природы Европейского Севера России XVIII – начала XX в.: Дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2002; Кожурин С. И., Шутов В. В., Ермашин М. В., Метельков М. В. История лесного дела в России. Кострома, 2004; Збаражский Н. В. Правовая охрана природы России XVIII – начала XX в.: на материалах Европейского Севера России: Дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2004; Ивакин В. И. История правового регулирования ответственности за нарушения экологического законодательства в дореволюционной России // Аграрное и земельное право. 2007. № 5. С. 95–104; Дулов А. В. Законодательство Российской Империи как источник по исторической экологии России 1700–1860 гг. // Историко-экономические исследования. 2007. Т. 8. № 3. С. 119–133; № 5. С. 95–104; Сутягин С. С. Лесное законодательство в дореволюционной России: историческая преемственность и эволюция // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 458–462; Насонова А. В. Правовое регулирование охраны природы в Российской Империи (XVIII – начало XX вв.): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012; Тарасенко В. П., Тепляков В. К. и др. История лесного образования.

¹⁰⁰ Ведров С. В. О лесоохранении; Арнольд Ф. К. История лесоводства.

¹⁰¹ Шелохова Н. М. Из истории развития охраны природы Восточной Сибири. Иркутск, 1992; Кузнецов А. Ф. Леса Урала: 300 лет на службе отечеству // Лесной журнал. 1996. № 4–5. С. 193–197; Тяпкин М. О., Поляков С. Е. Лесоохрана в Алтайском округе в 1908–1919 гг. // Население, управление, экономика, культурная жизнь Сибири XVII – начала XX в. Барнаул, 2003. С. 166–193; Тяпкин М. О. Охрана лесов Томской губернии во второй трети XIX – начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004; Иванова Ж. Б. Правовая охрана лесов Севера России: досоветский период. Владимир, 2004; Ипатов И. Ф. Орловская корабельная роща: Научно-популярный очерк. Архангельск, 2009; Курьшова И. В. Охрана природы в Байкальском регионе в конце XIX – начале XX вв.: проблемы организации и основные направления деятельности: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2012; Паишков К. И. Охрана природы в Байкальском регионе: проблемы организации и основные направления деятельности (1917–1991 гг.) / Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Иркутск, 2012; Саета В. А. Очерки истории становления лесного хозяйства на Алтае в XVIII – первой половине XX в. Барнаул, 2012; Хитров Д. А., Голубинский А. А., Черненко Д. А. Леса Центрального Черноземья в материалах Генерального межевания // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология. 2013. № 1. С. 165–169.

ют разработку научных проблем и становление опытного хозяйства в области лесоводства XIX в.¹⁰² Преимущественно эти работы продолжают традиции изучения правовых норм. При столь богатой традиции изучения законодательства удивительно, что ряд проектов до сих пор не привлекал внимание историков.

*Изучение статистики, специальных карт,
технологий*

В советское время появился интерес и к другим аспектам истории лесного хозяйства. Это было обусловлено масштабными планами советского правительства по преобразованию природы и изменению условий жизни в некоторых регионах. Определенным стимулом стала круглая дата с момента издания «Лесо-строительной инструкции» 1845 г., которую в советской литературе характеризовали как «положившую начало русскому лесоводству». Истоки преобразований в сфере лесного хозяйства искали в прошлом не только историки, но и географы, биологи и другие специалисты, участвовавшие в разработке конкретных мероприятий.

Новым направлением для советской историографии было изучение статистики. В XVIII–XIX вв. методы точного подсчета считались надежным средством наладить правильное лесное хозяйство, контролировать использование ресурса и процесс возобновления. Следуя этой традиции, историки обратились к статистическим методам, позволяющим получить наиболее полные и достоверные сведения. После войны итогом многих советских исследований, появившихся на волне интереса к теме истории лесопользования и обезлесения, стали работы М. А. Цветкова, в которых на основе многочисленных и разнообразных источников освещена динамика изменения состояния русских лесов на протяжении всего имперского периода¹⁰³.

¹⁰² Лоскутова М. В. «Влияние лесов на обмеление рек есть только недоказанная гипотеза»: прикладная наука и государственная политика по управлению лесным хозяйством Российской Империи второй четверти XIX в. // Историко-биологические исследования. 2012. Т. 4. № 1. С. 9–32; Лоскутова М. В., Федотова А. А. Велико-Анадольское лесничество и создание лесного опытного дела в России (1840–1890-х гг.) // Известия Русского географического общества. 2013. Т. 145. Вып. 6. С. 52–65.

¹⁰³ Цветков М. А. Первая карта лесов Европейской России и некоторые рукописные карты лесов XVIII в. // Труды Института леса. Т. V. М., 1950. С. 151–162; Он же. Лесистость губерний Европейской части России со времени Генерально-го межевания по 1914 г. // Там же. С. 181–248.

Сегодня можно считать классическим его труд «Изменение лесистости Европейской России», скрупулезно собранные статистические материалы, работа с картографическими источниками, законодательством, теоретическими работами по различным проблемам охраны и разведения лесов, сведения о проводившихся практических мероприятиях и многие другие материалы обеспечили комплексность исследования. В итоге М. А. Цветков делает важные выводы о том, что с конца XVII в. до 1914 г. Европейская Россия потеряла без малого треть своих лесов, лесистость снизилась с 52,7 % в 1696 г. до 35,2 % в 1914 г. Такова была среднестатистическая картина. В отдельно взятых регионах масштабы утрат варьировали. Они были намного значительнее на юге, чем на севере страны. В качестве главных причин сокращения лесных массивов М. А. Цветков называет рост населения и расчистку новых пашен за счет лесов, большую выгоду сельского хозяйства по сравнению с лесоразведением, коммерческие интересы промышленников и купцов. Предметом пристального внимания исследователя стали также лесные культуры. Период энтузиазма и частной инициативы на юге страны он приурочил к концу XVIII — началу XIX в., когда ставилась глобальная задача уменьшить вредное влияние южного степного климата на крестьянское хозяйство. Лесопосадки велись неравномерно: периоды активных возобновительных работ перемежались с их практически полным прекращением. Всего в течение двух веков было посажено 1,3 млн га лесов, а уничтожено 67 млн га, т. е. восстановлено не более 2 %, в то время как с 1696 по 1914 г. общие лесные площади сократились примерно на 28 % по всей стране¹⁰⁴.

Отдельные исследования посвящены истории картирования лесов, описаниям, составлению кадастров. В послевоенные годы были опубликованы ставшие теперь классическими труды В. Ф. Гнучевой и Д. М. Лебедева¹⁰⁵. Усилия советских ученых были также направлены на поиск специальных карт. Если М. А. Цветков писал, что первые лесные карты относятся к 1840-м гг., то Г. В. Крылов посвятил специальную статью карте 1807 г.¹⁰⁶, а О. В. Соколов обнаружил и рас-

¹⁰⁴ *Цветков М. А.* Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 год. М., 1957.

¹⁰⁵ *Гнучева В. Ф.* Географический департамент Академии наук XVIII века. М.; Л., 1946; *Лебедев Д. М.* География в России петровского времени. М.; Л., 1950; *Лебедев Д. М.* Очерки по истории географии в России XVIII в. (1725–1800 гг.). М., 1957.

¹⁰⁶ *Крылов Г. В.* К истории создания первой лесной карты с проектом транспортных путей (на юге Сибири) // Известия Новосибирского отдела Географического общества СССР. Вып. 1. Новосибирск, 1957. С. 75–78.

смотрел в своем исследовании лесные карты 1761–1820-х гг.¹⁰⁷ Продолжение изучения тематических карт (в частности, лесных) связано с деятельностью профессора географического факультета МГУ В. С. Кусова¹⁰⁸.

Важным достижением советской историографии стало внимание к технологической стороне лесного хозяйства. Ускорявшийся технический прогресс заставлял исследователей задуматься о том, что методы работы, десятилетиями казавшиеся общеизвестными, уходили в прошлое и со временем обречены на забвение, поэтому следует не упустить момент и описать для последующих поколений этапы и приемы работы, использовавшиеся механизмы, их устройство и особенности использования. Все это действительно представляет совершенно особый интерес. О ряде сфер производства и природопользования прошлого мы сейчас знаем очень мало, секреты ремесел утрачены. В связи с методами обработки древесины следует особо отметить работы П. Г. Любомирова и М. А. Цейтлина¹⁰⁹.

В 1980 г., когда было предложено отметить круглую дату со дня появления другой «первой» «Лесостроительной инструкции» 1830 г., опубликована лишь небольшая заметка в специальном издании¹¹⁰. Несмотря на активное обсуждение проблем экологии в последнее десятилетие существования СССР, историки сравнительно мало обращались к этой теме. Новая волна интереса к проблеме имела место в 1990–2000-х гг.

Исследование А. Э. Каримова посвящено земельному и лесному кадастрам с XVI до начала XX в. Широкие хронологические рамки позволили автору проследить глобальные исторические процессы и говорить об эволюции отношения власти к управляемой территории, о формировании и развитии научных географических знаний на основе собранных для практических целей сведений о землях. Сравнивая отечественные материалы с западноевропейскими, он

¹⁰⁷ Соколов О. В. Рукописные карты лесов Сибири // Там же. С. 79–85.

¹⁰⁸ Кусов В. С. Чертеж досматривания лесов 1700 года // Известия высших учебных заведений. Геодезия и аэрофотосъемка. 1976. № 1. С. 115–120.

¹⁰⁹ Любомиров П. Г. Из истории лесопильного производства в России в XVII, XVIII и начале XIX вв. // Исторические записки. М., 1941. С. 222–249; Он же. Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начала XIX в. М., 1947; Цейтлин М. А. Лесная промышленность в России и СССР. Л., 1940; Он же. Лесная промышленность крепостной России; Он же. К вопросу о возникновении капиталистической эксплуатации крестьян в крепостной России (Государственные крестьяне на лесозаготовках) // Сборник научных трудов Ленинградского финансово-экономического института. Вып. 4. Л., 1951. С. 101–151; Он же. Очерки развития лесозаготовок и лесопиления. М., 1968.

¹¹⁰ Неволин О. А. Первая лесостроительная инструкция и ее значение (к 150-летию издания) // Лесной журнал. 1980. № 6. С. 120–122.

выявляет особенности русского кадастра. Земельный и лесной кадастры рассматриваются как дискурс элиты, правительства, стремящегося к установлению максимального контроля¹¹¹.

На картографической деятельности морских офицеров (и в частности, на картировании лесов) сосредоточил свое внимание А. В. Постников. Он отмечает, что многие моряки в 1730–1750-х гг. не имели возможности участвовать в практических плаваниях, значительная часть их службы проходила на суше, где их знания и опыт оказались востребованными. Эффективно искать годные для флота материалы, планировать их доставку и производить картирование могли только морские офицеры, имевшие соответствующий запас знаний и практических навыков. А. В. Постников пишет также, что леса интересовали правительство исключительно с утилитарной точки зрения, как материал для строительства кораблей¹¹².

Работа Ч. Мёкрей посвящена реформе управления лесами Франции при Людовике XIV. Потребность в описаниях продиктована интересами казны и утилитарными нуждами корабельных верфей. Просвещенный король тратил на науку и содержание ученых больше, чем все остальные вместе взятые правители того времени. В частности, решение проблемы обеспечения верфей было поставлено на научную основу: описания должны были стать основой для эффективного управления. При этом рациональное использование лесов целой страны рассматривалось как вариант разумного управления помещьем, предполагалось, что отличие состоит только в масштабах. Кадастровые работы воспринимались как мера защиты: описать, начертить леса — значило зафиксировать ситуацию. Если реальная ситуация переставала соответствовать зафиксированной на бумаге, следовало искать виноватых и наказывать их. По мнению Ч. Мёкрей, проблемы обезлесения были связаны со слабостью власти. Одновременно процесс картирования предстает как опасное мероприятие, сопряженное с сопротивлением населения. От ужесточения порядков и регламентации крестьяне страдали намного больше, чем те, кто получал значительные доходы с вырубок. При этом уже во времена Людовика XIV сбор информации у населения выявлял местное знание: в деревнях прекрасно понимали, что существенный ущерб наносят не крестьянские хозяйства, а промышленники и торговцы, представители местных элит. Ч. Мёкрей не считает кадастро-

¹¹¹ Каримов А. Э. Докуда топор и соха ходили. Очерки истории земельного и лесного кадастра в России XVI — начала XX века. М., 2007.

¹¹² Postnikov A. V. The Russian Navy as Chartmaker in the Eighteenth Century // *Imago Mundi*. 2000. Vol. 52. P. 79–85.

вые работы средством упрощения и познания мира, как предлагал Дж. Скотт. Научное познание было сложным творческим процессом, попыткой обобщения большого материала, поиска закономерностей и постижения божьего промысла. Академический интерес и научный подход к решению проблемы дефицита древесины на практике не были самоценными, а использовались как инструмент королевского контроля, утверждения власти на местах¹¹³.

К теме лесного кадастра, рассматриваемого как дискурс власти, тематически близка книга П. Уода. Она посвящена лесам герцогства Вюртемберг в XVI в. История политики, экономики, хозяйственных практик и социального взаимодействия представлена через призму лесного вопроса. Оскудение лесов неспроста становится поводом для дискуссий: это обоснование повышения цен, изменения политического курса, инструмент утверждения авторитета местной администрации. Если леса рубят без разбору, считая ресурс неограниченным, то они достаются слишком легко и дешево, а где-то в это время люди страдают от недостатка материалов и топлива, следовательно, необходимы изменения. Должны ли леса оставаться в распоряжении общин либо частных владельцев или под контролем государственных служащих — это вопрос значительно более широкий, чем кажется на первый взгляд. Это вопрос о власти, контроле, расширении сферы влияния или сохранении традиций самоуправления¹¹⁴.

К изучению кадастров и описаний примыкает также работа А. В. Бекасовой, затрагивающей тему рационализации использования природных богатств при рассмотрении материалов экспедиций 1760–1780-х гг. В статье показано, как бюрократические процедуры влияли на производство камерального знания; участники экспедиций становились агентами имперской экономической политики. Собирая сведения о местных обычаях, ученые выбирали и популяризовали те технологии, которые считали наиболее рациональными¹¹⁵.

¹¹³ *Murkerji Ch.* The Great Forestry Survey of 1669–1671. The Use of Archives for Political Reform // *Social Studies of Science*. 2007. Vol. 37, N 2. P. 227–253.

¹¹⁴ *Wardé P.* Ecology, Economy and State Formation in Early Modern Germany. Cambridge, 2006.

¹¹⁵ *Бекасова А. В.* Изучение Российской империи экспедициями 1760–1780-х гг.: «взгляд» естествоиспытателей и формирование представлений о государственных богатствах // *Историко-биологические исследования*. 2010. Т. 2. № 4. С. 13–34.

Взгляды на причины обезлесения в современной историографии

Тезис М. А. Цветкова о тесной связи уменьшения лесных площадей в России с демографическими процессами, увеличением количества крестьян и обрабатываемых ими земель получил развитие в трудах зарубежных авторов¹¹⁶.

Д. Мун специализируется на изучении истории природопользования в имперской России. Определенную роль сыграли торговцы, промышленники, строители кораблей, но основным фактором уменьшения количества лесов названы крестьянская колонизация и увеличение пахотных земель. По мнению Д. Муна, это привело к серьезным экологическим последствиям: некоторые виды животных оказались на грани вымирания, изменились характеристики почв. Он отмечает и социальные последствия масштабных вырубок, важнейшим из которых была вынужденная переориентация хозяйства тех, кто традиционно жил за счет обширных лесов (например, охотничьи племена в Сибири)¹¹⁷.

М. Уильямс рассматривает процесс уменьшения лесных площадей с доисторических времен до наших дней. Не отрицая важности демографических факторов, он считает, что их недостаточно для такого ускорения процессов обезлесения, как в Новое время. Ключевыми факторами он считает рост потребления, развитие рынка и товарно-денежного обращения. С этими процессами был связан и рост производства, повышение мобильности и потребления. Все это вело к увеличению вырубок¹¹⁸. Требовались материалы для строительства кораблей, топливо для заводов и фабрик, расчищались земли не только под пашни, но и для строительства предприятий, прокладки дорог, обустройства земель крупных собственников и т. д. Однако при существенном росте потребления древесины разговоры о дефиците были преувеличены, отражали ситуацию на верфях, в промышленных центрах, столицах, немногочисленных крупных селах и деревнях, а отнюдь не в самих лесах и не на боль-

¹¹⁶ *Birrell J. Common Rights in the Medieval Forest: Disputes and Conflicts in the Thirteenth Century // Past and Present. 1987. N 117. P. 22–49.*

¹¹⁷ *Moon D. Peasant Migration and the Settlement of Russia's Frontier 1550–1897 // Historical Journal. 1997. N 4 (40). P. 859–893. Проблемы лесного хозяйства отчасти также затрагиваются в работах ученого, посвященных освоению степей: Moon D. The Plough that Broke the Steppes. Oxford, 2013; Moon D. The Russian Academy of Sciences Expeditions to the Steppes in the Late Eighteenth Century // Slavonic and East European Review. 2010. Vol. 88. P. 204–234.*

¹¹⁸ К такой точке зрения близко подходит Э. Г. Истомина. См.: *Истомина Э. Г. Традиционные сельские промыслы в России. С. 225–238.*

шей части территории Англии, Франции, Пруссии и других стран; и связан был дефицит не собственно с обезлесением, а с нехваткой древесины определенных сортов и качества, необходимой для решения тех или иных задач производства или строительства. Интересно также и наблюдение М. Уильямса о том, что правительственные распоряжения об охране лесов провоцировали усиленные вырубки¹¹⁹. Проживая рядом с заповедными лесами, местные жители не только терпели ограничения, но и несли обременительные повинности. Крестьянам казалось, что легче уничтожить ценные деревья, чтобы окрестные земли перестали представлять интерес для властей¹²⁰.

Итоги историографического обзора

Несмотря на большой интерес к экологической истории среди современных исследователей и опыт исследований, XVIII в. остается наименее изученным, плохо известным даже специалистам. Книга С. Брайана посвящена сталинскому плану преобразования природы, но содержит изложение предыстории вопроса. Невзирая на большой объем материалов, проработанных им, в части, касающейся раннего периода, наблюдается путаница. С. Брайан заявляет, что форстмейстерский курс был открыт в 1798 г. в рамках экономического факультета неназванного учебного заведения, разработка плана, направленного на совершенствование системы управления корабельными рощами, приурочена к 1782 г., помещикам предоставлены права распоряжаться лесами в своих дачах¹²¹. Порой XVIII в. и вовсе выпадает из сферы внимания исследователей, начинающих историю охраны лесов с XIX в. и сосредотачивающих внимание преимущественно на более позднем времени¹²².

Дж. Р. МакНил, скрупулезно изучивший историографию экологической истории, пришел к обоснованному выводу о том, что, не-

¹¹⁹ Аналогичным образом рассуждает К. Аппун: *Appuhn K. Inventing Nature...* P. 868–869.

¹²⁰ *Williams M. Deforesting the Earth. From Prehistory to Global Crisis.* Chicago, London, 2003.

¹²¹ *Brian S. Russian Forestry and Stalinist Environmentalism, 1905–1953.* Pittsburg, 2011. P. 11–28.

¹²² Например: *Юричев Е. Н., Неволин Н. Н., Евдокимов И. В. Очерки истории лесного хозяйства Вологодской области.* Вологда, 2011; *Weiner D. R. Models of Nature: Ecology, Conservation and Cultural Revolution in Soviet Russia.* Bloomington, 1988; *Weiner D. R. A Little Corner of Freedom. Russian nature Protection from Stalin to Gorbachev.* Berkeley; Los Angeles; London, 1999; *Josephson P., Dorin N., Cherp A. et al. Studies in Environment and History.* Cambridge, 2013.

смотря на активное развитие направления, русские материалы остаются малоизученными, в особенности — ранние¹²³.

Подводя итоги историографического обзора, отметим, что самые многочисленные исследования в области истории эксплуатации и охраны лесов принадлежат государственной школе. К хорошо изученным вопросам можно отнести: становление и развитие законодательства по охране лесов и рациональному лесопользованию, институциональную историю (историю учреждений государственной лесной администрации, связанных с лесоохраной политикой, и учебных заведений), картирование и учет лесов как с точки зрения истории географии, так и с точки зрения использования кадастра в качестве средства контроля, а также процесс сокращения лесных площадей на территории России.

В качестве достижений советской науки следует отметить разработку социально-экономической проблематики, появление историко-статистических исследований, трудов по истории науки о лесном хозяйстве и по истории смежных дисциплин: ботаники, картографии, географии, а также внимание к технологическим вопросам.

В зарубежной историографии наряду с разработкой тех же направлений лес рассматривается как субъект взаимоотношений с человеком, причем ему придается сопоставимое значение. И такой подход дает основания для рассмотрения процессов взаимоотношений человека и природы в России XVIII в. с использованием термина «крепостное право».

До сегодняшнего дня не написано исследование, посвященное раннему периоду русского лесного хозяйства в контексте модернизационного процесса. При достаточно хорошо известной законодательной базе правоприменительная практика остается белым пятном. Вне сферы внимания историков оставались законопроекты, влияние развития научной и публицистической мысли на формирование политики и изменение повседневной практики в помещичьих имениях и государственных деревнях.

Цели и задачи исследования

При изучении любого этапа российской модернизации ключевым вопросом является вопрос о субъекте¹²⁴. С XVIII в. и до настоящего момента в сохранении природных богатств вообще и лесных

¹²³ McNeill J. R. *Observations on the Nature and Culture*. P. 41–42.

¹²⁴ Ракитянский Н. М. Модернизация России и политическая элита // *Власть*. 2002. № 1. С. 18; *Материалы круглого стола // Модернизация России и Европа*. С. 46–48, 62, 99–286.

массивов в частности ключевым является вопрос «кто?». Далее он получает развитие:

- От кого исходит инициатива?
- Кто должен следить за состоянием лесов, заниматься ведением хозяйства, решать, что является благом, а что — вредом для устойчивого лесопользования, устанавливать правила эксплуатации, следить за их соблюдением?
- Кто может выполнять эти задачи наиболее эффективно?
- Каковы приоритеты при определении эффективности: сохранение природы, решение государственных задач (строительство флота, развитие тяжелой промышленности) или развитие свободного предпринимательства и извлечение максимальной выгоды?
- Насколько далеко зашли ментальные сдвиги, характерные для процесса модернизации: были ли люди, которым предоставлялись административные полномочия или права собственности, заинтересованы в получении дохода, выгоды в современном смысле этого слова; или символический капитал либо традиционные ценности были для них более значимыми?

Ответы на эти вопросы во многом определяются государственной политикой и взглядами тех, кто ее определяет и проводит, в том числе по вопросу о правах собственности на лесные массивы. Государственная монополия предполагает, что государство является единственным надежным гарантом сохранения природных богатств, способным организовать наиболее продуманное и рациональное их использование, сохранение в долгосрочной перспективе; только государство может правильно расставить приоритеты. Отсутствие государственной монополии показывает, что в наибольшей степени заинтересованными в сохранении природных ресурсов являются собственники земель, так как они заботятся о сохранении богатств не ради абстрактного общего блага, благополучного будущего планеты и человечества, а исходя из личных интересов (будь то символический или денежный капитал, человек заинтересован в его сохранении и передаче потомкам). Учет местной специфики и заинтересованность частных собственников должны стать наиболее надежным гарантом сохранения природных богатств в стране. XVIII в. — время становления лесного хозяйства и государственной политики в этой сфере. Тогда же были сформулированы и опробованы обе описанные позиции, а также различные промежуточные варианты. Ф. К. Арнольд рассматривал процесс развития законодательства по охране лесов в комплексе с вопросами собственности¹²⁵. И хотя некоторые

¹²⁵ Арнольд Ф. К. История лесоводства.

его суждения кажутся анахронизмами (он не учитывал, что представления о частной собственности существенно изменились в XVIII–XIX вв.), сам по себе подход представляется плодотворным. Введение начиналось с того, что становление лесного хозяйства было одним из множества явлений процесса российской модернизации. Развивая эту мысль, сейчас необходимо добавить, что важнейшим аспектом, определявшимся общим характером государственной политики, был вопрос собственности, связанный с ответственностью, рационализацией хозяйства, расстановкой приоритетов и др.

В центре нашего внимания будет находиться лесное хозяйство в России XVIII в., или, как тогда было принято говорить, «бережение лесов». Тогда его понимали в широком смысле — как комплекс мер с целью сохранить, упорядочить, изучить лесные массивы, приспособить их для удобства использования человеком, заготовления и транспортировки лесоматериалов.

Целью исследования является изучение процесса становления лесного хозяйства и его развития в контексте модернизации.

Для достижения поставленной цели будут изучены:

- законодательная база;
- законопроекты;
- научная и публицистическая литература, в которой обсуждались соответствующие вопросы, так как эти публикации влияли на формирование взглядов элиты, определявшей правительственную политику;
- практика реализации идей, заложенных в законодательстве и просветительской литературе;
- региональные особенности изучаемых явлений и процессов.

Важной частью исследования является изучение технологической стороны лесного хозяйства и лесозаготовок. Рассуждения об исторических явлениях и процессах без учета повседневных реалий и технологий изучаемого периода неизбежно ведут к излишней теоретизации, воспроизведению анахронизмов и ошибочным трактовкам. Детализированное представление о том, как велось хозяйство, позволяет понимать исторические реалии и связи, варианты последующего развития, причины реализации одних возможностей при игнорировании других. Для темы становления лесного хозяйства и закрепощения ресурса особое значение имело развитие технологий. Как уже неоднократно отмечалось в работах по экологической истории, технологии определяли взаимоотношения между человеком и природой¹²⁶. Их совершенствование было важнейшей частью

¹²⁶ *White L. J.* Cultural Climates and Technological Advances // *Viator: Medieval and Renaissance Studies*. Berkeley; Los Angeles; London, 1971. Vol. 2. P. 171–172; *Williams M.* Deforesting the Earth. P. 134.

модернизационного процесса. Распространение передовых технологий влекло за собой появление соответствующих политических, культурных и социальных механизмов, позволяющих использовать эти технологии и управлять ими¹²⁷. Степень интенсивности эксплуатации ресурсов определялась уровнем развития технологий. Их совершенствование дало толчок к переходу от состояния закрепощения к покорению и порабощению.

Источники

Источниковую базу исследования составляют:

- законодательные акты;
- записки царствовавших особ, законопроекты (представляется целесообразным рассматривать их как единую группу источников, базу для дальнейшего развития законодательства);
- научные и популярные печатные работы, посвященные вопросам лесного хозяйства;
- рукописи таких работ, оставшиеся неопубликованными (эту группу необходимо отделять от предыдущей, так как публикация свидетельствовала о признании работы и ее доступности более широкому кругу читателей);
- различного рода челобитные, прошения, жалобы, направленные в Адмиралтейств-коллегию, Сенат или на высочайшее имя; судебные дела, начатые на основе этих документов;
- документы Адмиралтейств-коллегии, прежде всего документы экспедиции над верфями и строениями коллегии, позже — лесного департамента (протоколы заседаний коллегии, предписания, отчеты и рапорты, поступавшие в коллегию с мест, описания лесов);
- документы сенатского делопроизводства;
- документы Уложенной комиссии;
- помещичьи наказы приказчикам имений и инструкции управляющим заводами;
- документы канцелярии Г. Г. Кушелева;
- путевые записки, дневники, письма.

Первые четыре группы источников прямо соотносятся с поставленными задачами. Изучение законодательства, развития хозяйственно-экономической мысли традиционно основано на хорошо известном комплексе источников, многие из которых опубликованы. К ним примыкают документы Уложенной комиссии. Достаточ-

¹²⁷ Алексеев В. В., Побережников И. В. Модернизационная перспектива. С. 15.

но очевидным является и подробное изучение документов Адмиралтейств-коллегии, которая занималась «бережением лесов» на протяжении большей части изучаемого периода, а также Сената, высшего органа государственной власти. Ближе к концу XVIII в. коллегиальное начало стало уступать место единоличному. Многие дела, связанные с ведением лесного хозяйства, в правление Павла I сосредоточились в канцелярии Г. Г. Кушелева, фактически осуществлявшего общее командование российским флотом. Соответственно, при изучении вопроса в конце XVIII в. следует рассматривать его фонд наравне с коллежскими документами.

Законы и проекты создавали идеальную картину мира, к которой следовало стремиться. Их авторы писали о том, как следует поступать, зачастую понимая, что жизненные реалии являются совершенно другими. Соотношение этой идеальной картины с реальной жизнью, влияние идеальной картины на трансформацию различных практик (бытовых, производственных, природопользовательских) и распространенных взглядов являются важнейшей исследовательской задачей, для решения которой нужна источниковая база. Особенно сложно изучать ситуацию в помещичьих имениях, в дела которых Адмиралтейств-коллегия вмешивалась мало даже в годы действия монополии на леса. И здесь приходится иметь дело с разрозненными источниками и их группами. Отчасти указания на то, как было на самом деле и с какими проблемами приходилось сталкиваться, имеются в преамбулах законов и законопроектов. О проблемах на местах охотно сообщали депутаты Уложенной комиссии; до Адмиралтейств-коллегии и Сената доходили различные жалобы, также характеризовавшие ситуацию на местах.

О том, какое значение придавали лесному хозяйству собственники угодий, отчасти свидетельствуют наказы помещиков, которые создавали некую идеальную, желательную картину на уровне поместий. Эту группу также составляют разрозненные источники, но при этом она хорошо изучена. Выявлено много наказов управляющим имениями, около половины опубликовано¹²⁸. В масштабах

¹²⁸ *Андреевский Л. И.* Очерк крупного крепостного хозяйства на Севере. Вологда, 1922; *Сивков К. В.* Наказы управителям XVIII века как источник для истории сельского хозяйства в России // Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия: Сб. ст. М.; Л., 1952. С. 241–248; *Петровская И. Ф.* Наказы вотчинным приказчикам первой четверти XVIII в. // Исторический архив. VIII. М., 1953. С. 221–268; *Кондрашова Л. И.* Малоизвестные помещичьи наказы управителям XVIII в. // Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1957. Т. 10. С. 222–224; *Александров В. А.* Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М., 1976. С. 45–55; *Тихонов Ю. А.* Договор (контракт) 1740 года М. Г. Головкина с выборными крестьянами об управлении ими имением в селе Кимры

страны картина была очень пестрой и в каждом конкретном случае индивидуальной. Каждая инструкция отражала личные взгляды помещика на управление имением, права и обязанности крепостных. На основе инструкций сложно говорить о том, насколько типичным для своего времени был взгляд составителя. Однако их комплексное изучение позволяет сделать ряд наблюдений, судить о степени актуальности лесного вопроса на уровне имений, о том, какие способы его решения помещики считали эффективными.

Различные взгляды нашли свое отражение в научных и просветительских трудах о содержании и эксплуатации лесов. Публикации дают в основном одностороннее освещение, так как написаны с точки зрения людей, признающих наличие проблем и предлагающих способы их решения. Вместе с тем вводные части многих из них показывают, что наличие проблем требовало доказательств и отнюдь не являлось очевидным для всей читающей публики. Изредка можно также обнаружить аргументацию тех людей, которые считали обилие лесов вредным для окружающей среды (например, для воздуха), здоровья и хозяйства человека, проблемы обезлесения — надуманными и преувеличенными.

Источники личного происхождения дают бытовые зарисовки, благодаря которым отчасти высвечивается и практика применения законов, и особенности различных технологических процессов, и отношение автора (или людей, с которыми ему довелось иметь дело) к проблемам лесного хозяйства.

Несколько использованных при написании книги источников стоят особняком, не включаются ни в одну из названных групп, но дают важный материал. Например, документы комиссии 1783 г.¹²⁹, рассматривавшей вопрос о дороговизне дров в Санкт-Петербурге, или записка о казенном Шиповом лесе¹³⁰.

Из круга рассматриваемых источников сознательно исключены кадастровые материалы и карты как специфический и хорошо изученный в историографии материал. Не использовались также массовые источники, требующие статистической обработки при изучении вопросов становления лесного хозяйства: делопроизводственные материалы сельских управ, земских судов, губернских канцелярий,

с деревнями // Отечественная история. 2003. № 3. С. 146–151; *Он же*. Дворянская усадьба и крестьянский двор в России 17 и 18 веков. М., 2005.

¹²⁹ *Об отвращении дороговизны дров Петербурге* // РГАДА. Ф. 16. Внутреннее управление. Оп. 1. Д. 517. 1783.

¹³⁰ *Воронежской губернии о казенном Шиповом лесе, о поселившихся в оном самовольно, злоупотреблениях и о засеве полян*. 1799 г. // РГИА. Ф. 1594. Оп. 1. Д. 57. Л. 1–41.

записные книги и ведомости помещиков; договоры, сделки, приговоры сельских и волостных сходов.

При цитировании источников в издании в основном сохранена орфография источников. Окончания изменены на современные, пунктуация также не сохранена.

Хронологические рамки исследования

Хронологические рамки исследования охватывают период, когда управление лесами относилось преимущественно к ведению Адмиралтейств-коллегии. Правительство рассматривало леса в первую очередь как ресурс для строительства кораблей. Всем остальным методам лесопользования отводилось менее значимое место. Соответственно, наиболее ценными считались поволжские дубравы и мачтовые сосны Севера, леса, росшие по берегам крупных рек, где можно было организовать сплав древесины.

Точкой отсчета является закладка первых кораблей в ходе подготовки Второго азовского похода — начало истории русского военного флота. Охрана лесов имела довольно специфический характер: прежде всего выявление деревьев, ценных для флота, организация лесозаготовок и отправка материалов на верфи и только потом собственно охрана от незаконных вырубок. На протяжении всего рассматриваемого периода негодный для кораблестроения лес интересовал правительство в меньшей степени и не подлежал охране. «Сорный», «черный», «миндачный» или «дровяной» лес и вовсе не подлежал охране: поощрялась его рубка и расчистка новых территорий под сельскохозяйственные угодья¹³¹.

Перевод лесного департамента в состав Министерства финансов в 1802 г.¹³² символизировал коренное изменение отношения власти к лесам. На уровне организации высших государственных учреждений было зафиксировано, что лес представляет ценность для экономики страны в целом — для развития промышленности, экспортной торговли. Соответственно, есть основания для того, чтобы рассматривать этот момент как начало нового этапа в развитии лесного хозяйства, хотя следует оговорить условность этой границы, так как

¹³¹ Например: *Именной [указ]* объявленный президентом Адмиралтейской коллегии о позволении рубить во всем государстве липовые леса. 26 января 1721 г. // ПСЗ I. Т. VI. № 3719.

¹³² До 1719 г. надзор за охраной лесов осуществлялся местными гражданскими властями. С 1782 по 1796 г. лесами ведали губернские казенные палаты и директора экономии, затем леса были вновь переданы в ведение Адмиралтейства. Названные периоды не исключаются из данного исследования, охватывающего период с 1696 по 1802 г.

передача ведения лесов из Адмиралтейства Министерству финансов была сопряжена с длительной бюрократической процедурой (в 1811 г. лесной департамент был упразднен, а управление некорабельными лесами было передано департаменту государственных имуществ Министерства финансов), обширной перепиской, и процесс завершился только в 1837 г., когда было образовано Министерство государственных имуществ, управление лесами стало подчиняться новым правилам.

Внутри обозначенных хронологических рамок выделяются четыре периода. Они определены в зависимости от ответа власти на ключевой вопрос о том, кто должен заниматься ведением лесного хозяйства, быть в этом заинтересованным, действовать наиболее эффективно.

- С 1696 по 1726 г. установлена и вступила в действие государственная монополия на леса. Говоря современным языком, наиболее эффективным менеджером считалось государство, осуществляющее управление посредством законодательной деятельности и административно-бюрократического аппарата.
- В 1726 г. монополия отменена, что должно было определить радикальные изменения в организации хозяйства. Логично было бы предположить, что тогда же права и ответственность переложены на плечи частных собственников, однако на практике это оказалось не совсем так.
- При Екатерине II лесное хозяйство было передано из ведения столичного Адмиралтейства в местные губернские канцелярии, казенные палаты и директорам государственной экономики. Уже можно говорить о достаточно отчетливой тенденции к передаче прав частным собственникам. Взгляды на лесное хозяйство были коренным образом пересмотрены.
- Тем не менее изменения не были окончательными, и с 1798 по 1802 г. предпринимались попытки вернуться к старым монополистическим принципам и поставить существовавшую репрессивную систему защиты государственной собственности на качественно новый уровень.

Территориальные рамки исследования

Исследование посвящено европейской части России, так как в XVIII в. центральная власть не располагала ни средствами воздействия, ни инструментами контроля, позволявшими обеспечить налаживание лесного хозяйства за Уралом с тем же успехом, как

и в относительной близости к столице. Сибирь была богата лесами, но огромные расстояния делали немислимым использование этих богатств для любых казенных нужд в европейской части страны. Использование природных богатств по большей части зависело от местных обычаев. Сама Сибирь воспринималась как часть страны со значительными оговорками. Несмотря на то что со времен Ермака Сибирь входила в состав Русского государства, П. И. Рычков в том же 1767 г. делает оговорку в кратком описании деревьев, растущих на территории страны: «О пихте и кедрах не упоминается здесь потому, что их внутри Российской Империи не находится, а растут больше в сибирских отдаленных местах»¹³³.

В XVIII в. разделение Европейской части России и Сибири оставалось достаточно условным. Вопрос о том, где должна быть граница, был предметом обсуждения. Предлагались различные варианты: по Дону, по Волге, Оби, Енисею, Яблоневому хребту, а также по Уралу¹³⁴. Находясь в Казани в 1767 г., Екатерина II писала: «Я теперь в Азии»¹³⁵.

Ввиду такой нечеткости разграничения и отдаленные территории будут интересовать нас постольку, поскольку они становились предметом внимания Адмиралтейства и других органов центральной власти. Той же логике будет подчиняться интерес к присоединявшимся территориям.

¹³³ Рычков П. И. О сбережении и размножении лесов // Труды ВЭО. Ч. VI. СПб., 1767. С. 90.

¹³⁴ Чеботаев Х. А. Географическое методическое описание Российской Империи с надлежащим введением к основательному познанию земного шара и Европы вообще для наставления обучающегося при императорском Московском университете юношества из лучших новейших и достоверных писателей. М., 1776. С. 51–53; Архипова Н. П., Ястребов Е. В. Как были открыты Уральские горы. Очерки по истории открытия и изучения природы Урала. Свердловск, 1990; Бассин М. Россия между Европой и Азией: идеологическое конструирование географического пространства // Российская Империя в зарубежной историографии. М., 2005. С. 277–310; Дитмар А. Б. К истории вопроса о границе между Европой и Азией // Ученые записки Ярославского государственного педагогического института им. К. Д. Ушинского. Вып. XX (XXX). Ч. 1: География. Ярославль, 1958. С. 41–49; Чибилев А. А. Европейско-азиатская граница: история вопроса и современные представления // Вестник Уральского отделения РАН. 2011. № 2 (36). С. 43–45; Захаров В. Н. Представление о восточной границе Европы и европейской идентичности в России в XVIII в. // Историк и педагог: Сб. ст. памяти проф. А. С. Рудя. М., 2012. С. 122–131; Сытин А. К. Ботаник Петр Симон Паллас. М., 2014. С. 116.

¹³⁵ Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве иностранных дел: В 5 т. СПб., 1874. Т. 3. С. 286.

